

САМ ДРЕВНИХ ЛУЧ

АННА ЁРМ

Охотники за мирами

Анна Ёрм

Саги огненных птиц

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ёрм А.

Саги огненных птиц / А. Ёрм — «Эксмо», 2023 — (Охотники за мирами)

ISBN 978-5-04-187681-4

Ольгир – сын конунга, изгнанный отцом за своеволие и дерзость. Чтобы получить прощение, он должен отыскать белую лошадь из саг и легенд. В пути Ольгир встречает Ингрид, и теперь ему нужна только она. Но дева противится и клянётся, что сын конунга погибнет, если овладеет ею. На её стороне могущественные боги, а на его – лишь пламенные чувства... Как случайная встреча изменит жизни многих? И кто решит всё исправить, повинувшись судьбе? Это – саги о мифах, человеческом пути и поэзии. О людях, чьи реки судеб слились в один поток, и о птице, что освещает огнём своим путь. Первая книга цикла Анны Ёрм, которая погрузит читателя во времена викингов, во времена на рубеже эпох: языческие боги отступают под натиском христианства. Сложное переплетение сюжетных линий: властный Ольгир и непреклонная Ингрид, второстепенные герои, живые и объёмные, скованные обязательствами и движимые своими интересами. Мир, наполненный древней магией, волшебными существами прошлого: оборотни, хульдры, рогатые духи леса. Тщательная проработка быта того времени, мельчайшие детали жизни, которые автор описывает так, словно видела своими глазами.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-187681-4

© Ерм А., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Пролог	7
Сага о Речном боге	9
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Анна Ёрм
Саги огненных птиц

© А. Ёрм, текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Ему никогда не жилось спокойно и привольно, и все его деяния представляли собой отчаянные попытки проявить себя и показать свою силу.

– Дурной сын почитаемого отца. Повезло Арну Крестителю, что боги... бог дал ему двух сыновей и старшего наделил равно и разумом, и силой. Младший не в род пошёл. Весь в дурную мать, весь в мать...

А он, младший сын, дурной сын, всё слышал, пусть и молчал. Слышал, как епископ и воевода отца, ярл Агни, перемывают ему косточки за стеной, словно две болтливые кухарки. Омерзительные старики! Ладно его честь пытались запятнать, но обозвать матушку дурной женщиной...

И как только посмели?!

Теперь же пришлось сидеть, точно на цепи, запертым в своих же покоях, и слушать всё это против своей воли. Всё против своей воли, а что по его воле было сделано, то всё оказалось против рода и против конунга Крестителя. Против отца...

Судачили о его поступке, как о проступке, позабыв, что сам конунг хотел подмять под себя растущий неподалёку от их столицы островной город свеев. Многие себе позволяли пришлые купцы, поселившись на их территории. Недовольство Крестителя росло день ото дня, и вряд ли бы он разрешил эту ситуацию мирно.

Не было тут другого пути – только сила.

А ведь брат, Лейв, холодная голова, он ведь просил остаться, знал, что отцу будет неуютно его желание запугать свеев, позарившихся на чужие земли. Но как Арн Креститель терпел всё это?

Он облизал широкую рану на губе, снова её раздражая. Она заросла, но всё ещё бугрилась, мешая и побаливая. Наёмные стражи острова, хоть и не сразу сообразили, с чем пришёл на ладьях сын конунга, всё же решились дать запоздалый отпор. Хольдов в городе было мало – почти все ушли под парусами на войну вслед за конунгом Анундом. Ольгир взял город почти без боя.

– И как ты привёл сына Крестителя обратно, никого не убивши? – раздался взволнованный голос епископа.

– Когда мы подплыли к острову, нас долго держали за частоколом, не давая высадиться. Но, видимо, в ком-то из его хольдов проснулась совесть при виде знакомого паруса, нас наконец впустили. А Ольгир, беспечный плут, праздновал смехотворную победу в тамошнем Большом доме, запугав местных жителей. Да только передо мной и сынами моими вся охрана его рас-

ступалась, сражённая, пропустила вперёд. Так что мне осталось лишь изловить его, как зверя, и связанным по рукам привести к отцу. Надо было ему ещё рот заткнуть, чтобы не скалился он на меня, думая, что отец всё ему простит да поблагодарит.

Знатный пленник помассировал запястья, которые всё ещё саднило из-за тугой верёвки.

– Не знал я, что он не от имени Крестителя деяния творит. – Говорящий сотворил божий знак при упоминании конунга, при жизни признанного святым. – Ведь и сам Креститель соби-
рался взять город свеев. Они слишком близко подошли к Онаскану и заняли земли, что при-
надлежат нам по праву.

То-то же! И в чём тогда провинность?

– Не так скоро и не так жёстко, – воевода приумолк ненадолго. – В городе был важный человек конунга Анунда. Люди Ольгира убили его. Что же теперь Анунд потребует от нас за смерть родича?.. Ох, не в то время захворал наш конунг. Ох, не в то. У него были свои планы на остров, но он не успел их осуществить. Теперь же я надеюсь, что выходка выродка не сильно нарушила их.

– Дай бог здоровья Крестителю нашему, – залепетал почтенно епископ, – долгих лет жизни.

– Уж я-то сам не знаю, удастся ли задобрить теперь Анунда. Сколько ж серебра или людей он потребует за своего родича и каждого убитого хольда? Рука у Анунда крепкая, так что, боюсь, не видать нам полюбовного разрешения этой ссоры. – Воевода шумно вздохнул. – Этот щенок много крови пролил. Нет в том ни капли разума. Ни капли разума его отца, который всегда с таким трепетом относился к миру со свеями! Дикий он, поганый, как его мать.

– Благо что не ему быть нашим конунгом.

– Благо что не ему... Лейв будет хорошим продолжателем дела своего отца. Не отвернётся он ни от новообретённого бога, ни от поддержания мира с Анундом и прочими крещё-
ными конунгами. А Ольгир... Он всегда был лишь тенью могучего и мудрого брата. Пылью под
ногами отца своего Арна Крестителя. И уж точно мусором под ногами деда. Он не из тех людей,
что строят города и богатеют. Выродок и грязное пятно на имени семьи, живущий как блоха.

Пленник снова облизал запёкшиеся губы, страшно улыбнулся на эти слова.

– А что же теперь Ольгира ждёт за самоуправство? – поинтересовался епископ.

– Тут уж воля конунга будет, не моя. Я всё сделал, что в моих силах. Разве что при хольдах Креститель меч отнять попросит... вместе с поясом. Так это тоже не совсем моя забота. А дальше что с ним будет без меча и пояса, не знаю. Наверное, ссылка...

Младший сын конунга усмехнулся, скорчив болезненную гримасу. Побелевшие веснуш-
чатые щёки налились румянцем. Думает старик, как накажут его, сына Крестителя... Да как бы
сам скоро не попал в немилость! У него союзников и наёмников не меньше – силы отомстить
найдутся.

Он зарычал, а как услышал скрип лестницы, ведущей к его покоям, сник и вид принял смиренный, будто крестить его пришли по его же доброй воле, а не вести к отцу на суд...

Сага о Речном боге

Быстроногий конь нёс своего всадника всё дальше и дальше от крепких стен города. Лёгкий перезвон колокольчиков на сбруе разливался ясным холодным звуком.

Плащ, чуть волнуемый ветром, покойно опустился на сильные плечи огромным алым крылом. Всадник надвинул соскочивший худ на лицо, перекинул поводья и слез с коня. Здесь начинался лес с заросшими тропами. Никто не ходил сюда, не собирал хвороста и не рубил деревьев. Говорили, что раньше тут жили колдуны, а кто поселился иль остался – теперь знали лишь самые отчаянные из охотников. Поговаривали, что водились тут даже волки-оборотни, каких давным-давно нигде больше и не выдывали.

Одно из древ изогнулось тоскливо, как плачущая женщина. Оно было похоже на ворота, но за ними не было ни дороги, ни приюта. Ольгир окликнул отставшего брата, и с холма спустился Лейв на гнедом крупном жеребце, поспевая следом. Ольгир отдал ему поводья, прошёл сквозь эти ворота, и душа его сжалась в кулак. Но потом распрямилась ладонью, хлёсткой тетивой. Гордая душа – всегда тетива.

– Не жди меня, – крикнул Ольгир брату, обернувшись. – Возвращайся в город.

– Ольгир! Да стой же ты. Не поздно ведь извиниться. Ох, видит бог, устал я повторять это тебе снова и снова. Извинись перед нашим отцом. Он только этого и ждёт, – отозвался Лейв. – Брат, послушай...

Кони стригли ушами, прислушиваясь к набухающему сумраку хвойного леса. Всюду им мерещились дикие звери. Тени вездесущих крыс, мелькавшие на стволах деревьев в свете низкого солнца, становились похожими на тени волков.

– ...Послушай! Если ты правда считаешь, что, раздобыв шкуру Белой Гривы, получишь прощение отца, то ошибаешься как никогда. Извинись по-простому. Даже если не искренне, он примет тебя назад. Ты же сын ему. Родной сын. Никакие купцы меж вами не встанут!

Ольгир зарычал, припомнив, как конунг на глазах воеводы и приближённых отнял у него меч, назвав несмышлёным мальчишкой.

– Я найду этого коня, – произнёс Ольгир, и голос его звучал уверенно. – И пусть обо мне потом рассказывают в сагах как о человеке, что не просто одним глазком увидел, но убил Гриву. Снял с него шкуру! Никому этот чудесный конь не дался, а мне... Найду. Найду и принесу. Пусть старик думает, что я не справлюсь. Но я же всегда подводил его ожидания. Не так ли?

– Белая Грива, видишь ли! – Лейв грустно усмехнулся. – Проще уж было сказать: найди духа водопада да забери его свирель. Где же ты её искать-то собрался, а? Спросишь у троллей? Или хульдр? А может, у колдунов суми? Брось ты, брат, эту затею!

Ольгир упрямо молчал. Старший брат всё с той же невесёлой улыбкой подъехал ближе, отводя рукой низко склонившиеся ветви ёлок. Нерадивый сын усмехнулся в ответ.

– Возвращайся к жене и отцу, Лейв.

Лейву не понравилась его усмешка. Он пустил коня, остерегавшегося елей, столь низко склонивших хвою, вперёд, преградил Ольгиру путь – тропу, которую когда-то проложили бежавшие от огня Крестителя лесные колдуны. Всюду чудились отголоски их чар. Тем лучше. Белая Грива давным-давно ушёл за ними, но в последнее время, по слухам, его видели близ Онаскана всё чаще и чаще. Вот уж добрался и до леса, что стоял неподалёку от города серозелёной стеной. Иным коням по этой тропе не пройти, только упрямому человеку да дичи.

– Брат, я не пропаду, не бойся ты. Я принесу старику Гриву. Он простит меня и, я думаю, отдаст меч. – Ольгир сложил руки на груди.

– А ну, вернись домой!

– Нет.

– Какой же ты всё-таки упрямый дурак. Да ещё такого плохого мнения о нашем отце. – Лейв сокрушённо качнул головой. – Ну подумай сам. Он ляпнул про чудесную Белую Гриву, лишь чтобы тебя позлить да послать куда подальше. Не нужна ему никакая чёртова лошадь, ни грива её, ни копыта, ни... рога! Не найдёшь ты её и всё равно вернёшься.

– Я знаю, где искать, – слукавил младший брат. – А возвращаться без Гривы я не собираюсь. А коли не вернусь, то ты не переживай. У отца есть ты – силёнка и умишко. А я так. Только смуту посеять могу, а потому... бывай!

Ольгир обошёл гнедого скакуна, красуясь, перепрыгнул через поваленное дерево и скрылся в золотистом полумраке. Изогнутое дерево потянулось тонкими руками ветвей к Ольгиру, зацепило пальцами за алый плащ, но сын конунга лишь одёрнул полы, обломав сухие ветви.

– Ольгир! – в последний раз окликнул Лейв брата, а потом плюнул и сквозь зубы процедил: – Вот дурной!

Он взъехал на холм и только тогда обернулся на лес. В золоте солнца тот казался обычной чащобой, но по телу Лейва пробежала нехорошая дрожь. «Вот ведь опечалился. Да чёрт с ним, прости Господи! Такой действительно не пропадёт!» – подумал он, крутя рыжеватый ус, и пустил коней в сторону города.

– Какой же ты дурень, братец мой, – продолжал бушевать Лейв, крепче обычного сжимая ногами бока лошади. – Что за тролль подкинул тебя? Что за дурная кровь течёт в твоих жилах? Почему же ты никого не слушаешь?!

Лейв мчал вперёд, предаваясь яростным и обидным мыслям, а на горизонте уже виднелся город, да шумело близкое море.

Десять дней Ольгир бродил по далёким одалям, которые начинались за сплошным еловым лесом. Нутро больше не горело гневным огнём, но сморённое было своеволие снова крепло и росло в сердце. Разодранная губа давно уж зажила, так что Ольгир снова мог ухмыляться привычным широким оскалом.

Не так был страшен лес, как шептали о нём люди и говорили слухи да легенды. Водилась обильно дичь, пели обыкновенно птицы, и лишь руины древних каменных и деревянных капищ бессмысленно и безголосо славилы прежних богов. Время ещё не изгладило рисунков морщин на грозных круглоглазых лицах, но Ольгир без страха, лишь с интересом рассматривал их. Касался, закрывал глаза и, не опуская ладони, слушал себя, выискивая отзвуки ответа. Но внутри всё молчало, и Ольгир хохотал, сощурился глазами. Об этих ли богах мать рассказывала сказки, прядя тонкую нить? О них ли думала, когда отец учил её молитвам?

Теперь уж они в прошлом. Как и мать. Давно ушла она из жизни, оставив после себя на земле лишь неугодного отцу сына.

Встречал Ольгир на своём пути и громадные камни, что по ночам будто бы неспешно шагали куда-то в сторону северо-восхода. Бывало, засыпал он ногами в задуманную сторону, брал за ориентир косматые скалы, а наутро обнаруживал, что за ночь большие камни сместились. Не сильно, не более чем на локоть. Однако полагаться на замшелые скалы Ольгир прекратил – не иначе, то были тролли.

Уже несколько лет Ольгир слышал от охотников, что тролли уходят дальше от Онаскана, и те, что были порезвее, уже давненько покинули здешние одали, оставив после себя лишь взрытые полосы на земле. А сонные замшелые старики уходили неспешно, так что их запросто было спутать с обыкновенными скалами. Тем не менее троллей Ольгир считал хорошим знаком. Раз уж тут водились они, то и Белая Грива, видимо, был где-то неподалёку. И не такие чудеса встречались в лесу, где прежде жили колдуны.

Белая Грива – то конь, что белее снега. Говорили, что у него серебряные рога, как у оленя или лося, а грива ровно что жемчуг да перламутр. Складывали о ней в землях Онаскана много

легенд и небылиц, да только в одном сходились любые саги – появилась эта лошадь на свет из серебряной руды, на которую попало молоко священной коровы. Где он обитает на самом деле и как часто выходит к людям – этого уж точно никто не знал.

Отняв у Ольгира меч, Арн Креститель серьёзно иль в насмешку над собственным сыном велел тому отыскать Белую Гриву, снять с него шкуру да смастерить из рогов его венец. Воевода улыбнулся в бороду, когда услышал просьбу Крестителя, и верные хольды его посмеялись над опозоренным сыном конунга. Знали они, что невозможно отыскать неуловимого Гриву, – никто из них даже не видел его, лишь слышал рассказы от охотников да рыбаков. Понимали они, что если не найдёт Ольгир Белую Гриву, то не захочет вернуться.

Но Ольгир хотел вернуться. Потому он тут же бросился в леса, где, по слухам, видели чудесную лошадь в последний раз.

В здешних непроходимых чащобах Ольгир находил свежие следы конских копыт. Он шёл по ним день за днём, пока не оказался у мелкой быстротечной речушки. Узнав в ней приток реки Полотняной, что впадала в море близ Онаскана, Ольгир понял, что ушёл далеко на восход, обогнув широкой петлёй лес с южной стороны.

За игривым, смеющимся, как юные девицы, потоком начинался светлый лес с редющим меж стволами молодых осин светом. Здесь отпечатки на влажной земле обрывались у кромки воды, в осоке, и Ольгир, заметив далеко в стороне брод, отправился на другой берег. Он опасливо ступал на скользкие камни, смотрел поверх воды и, как только нога его опустилась на траву правого берега, из реки высунулась тонкая рука, схватила его за щиколотку, и Ольгир с шумом упал в воду. Воды расхохотались, и смех их раздался звоном среди камней и деревьев.

Ольгир выругался, вышел на берег. От усталости ли ему уже мерещились духи воды или правда были они здесь?..

Молодое солнце, скрываемое облаками, показывалось несколькими лучами, и те, падая в воду, превращали поток в искрящийся металл. Долго Ольгир высматривал подлых существ, но так ничего и не увидел, только слёзы на глазах выступили от нестерпимого блеска брызг над водой.

Следы копыт, до краёв наполненные чистой водицей, уходили прочь по течению реки, и Ольгир направился по ним. Несколько дней он шёл, как очарованный, за необыкновенным конём, который, казалось, совсем недавно бродил вдоль берега реки. Пил Ольгир воду из этих следов, добывал себе пищу у берега.

И вот следы оборвались вновь. На этот раз – в самом широком месте реки. Противоположный берег стоял далёко, оцетинившись высокими тощими ёлками.

– По воде ли ходишь ты, дух? – нахмурился Ольгир. Он перевёл взгляд на далёкий берег и готов был поклясться, что среди серых ветвей прошёл белый неслышимый призрак.

Река утекала дальше и дальше, становясь всё шире и полноводнее, а на самом глубоком месте её стояла переправа. Кругом не было ни души, но две добрые лодки всегда лежали у воды, дожидаясь редких путников.

Девушка, что жила здесь, и не ожидала появления никого чужого. Она сбросила на землю платок, покрывавший её плечи, и осталась в одном лишь сером платье, которое завязала узлом выше колен и заправила за пояс, сотканный с вплетением синих ниток.

Летнее солнце, ещё не решившее, садиться ли за горизонт или остаться, бросало на воду ослепляющие блики. Неспешно и лениво скатывалось оно вниз с зенита. Мелкая дрожащая волна около берега волнуяще блестела и жарко искрилась. Казалось, раскалена она добела. Девушка удобнее перехватила копьё и медленно вошла в реку, загребая пальцами ног песок. Обманчив был тёплый блеск. Пусть и отражалось на поверхности реки солнце, да не нагревало оно воду.

Девушка зашла глубже. Мелкие рыбёшки, не больше пальца длиной, разбежались скорей, а потом сомкнулись за её спиной плотной серебряно блестящей стаей. По телу побежали мурашки, девица дёрнула плечами, но продолжала заходить всё дальше и глубже. Имелась тут, прямо возле переправы, небольшая заводь, и частенько возле неё можно было поймать крупных рыбин, больше чем с ладонь, а то и в локоть величиной.

Перейдя неглубокое место вдоль берега, почти не намочив платья, дева почувствовала, что река начинает мелеть. Ступала она осторожно, хоть и помнила каждый изгиб заводи, каждую выемку и ловушки вязкого ила. Один неверный шаг – и ухнешь с головой. Наконец, добравшись до богатого рыбой места, девушка взялась за копьё, чуть наклонилась над водой и замерла, точно тонкое деревце в полуденный штиль. Ил, песок и мелкая галька оседали покойно, следуя за неспешным течением.

Солнце закатилось в облака, и воздух раздался холодком. Вода вдруг потеряла весь свой живой блеск, стала прозрачным лоскутом, растянутым над дном. Дева часто заморгала, сбивая пляшущие огонёчки слепоты перед глазами, пока не заметила, как лениво шевельнулось дно около её отставленной вперёд ноги. Вытянутое тело с жирной спинкой и острым плавником отделилось от ила, очертив свой облик.

«Чуть не проморгала, – пронеслась мгновенная мысль в голове девушки. – Слепая ты, Ингрид!»

Она занесла копьё и резким движением вонзила остриё в цель. Рыба испуганно ринулась прочь, напоследок полоснув по ноге Ингрид плавниками и мощным хвостом. Та фыркнула и снова замерла, ожидая, когда успокоится дно и появятся другие рыбыны. На поверхность воды вновь упали солнечные лучи. Ингрид сощурилась, но свет лишь растекался и множился, мешая разглядывать дно. Но тут и солнце-помощник – в золоте, расплавившемся и текучем среди синевы и звенящей серости, высветило мелькнувшее серебро. Не теряя ни мгновения, Ингрид тут же пронзила его копьём. Вода окрасилась красным, и Ингрид достала рыбину, пробитую насквозь. Не жалея сил, рыба лупила хвостом, мотала головой, пытаясь сорваться, но Ингрид, схватив её твёрдо, стащила с древка, опустила в корзину, привязанную к поясу, и тут же накрыла крышкой.

Вторую рыбу пришлось поджидать дольше, зато за ней тут же пришли третья и четвёртая. Дальше копьё било впустую, но Ингрид не расстраивалась, зная, что сегодня её маленькая семья – она да отец – уснёт не с пустыми животами. Корзина наполнялась медленно, но верно, и, когда солнце приблизилось к горизонту, крышка уже едва закрывалась. Последнюю рыбу Ингрид, истерзав остриём, бросила обратно в воду – в благодарность реке.

Она вышла на берег, торопясь, выпотрошила улов, всё следя за солнцем – хоть бы не скатилось за лес, пусть ещё погрееет замёрзшие ноги и руки. А оно и не спешило, точно зная, что его заждались в этом холодном краю. Надо же, чтобы ягоды забродили, чтобы детёныши зверья всякого окрепли, радуясь его лучам, чтобы прогрели на свету свои старые одеяла люди.

Управившись споро с работой, Ингрид снова отправилась к реке. Постояла на берегу, чувствуя, как целует её ступни мелкая волна, сняла платье и неспешно гольшом зашла на глубину. Всё тело её затрепетало от холода и счастья, дрогнули сомкнутые и слипшиеся от молчания губы.

Не было раньше у этой реки имени, но путники, которые выходили к ней, прозвали её Тёплой, так как зимой река чудесным образом не замерзала. Лишь в самые жестокие зимы покрывался хрупким ледком её быстрый поток. Жили на её берегах, как и везде прежде, колдуны суми. Мало кто из них в действительности знал чары, но гёты, пришедшие сюда на ладьях и основавшие вдоль берега моря и рек свои поселения, не разбирались в укладе старожилов. Всех без разбору называли колдунами да пугались, а со страху убивали и гнали прочь.

Не было никогда раньше у реки имени, но всегда была у неё душа. Живая, человеческая. Ушли колдуны суми вглубь лесов, подальше от морей, откуда приходили чужаки. Ушли, но порядки свои оставили.

Недолго пустовали берега лесной реки. Частенько к ней выходили путники, идущие к Онаскану. А так как зимой пройти по реке было нельзя, переселенец Йорген решил построить переправу в самом глубоком месте реки. Края тут всегда были дивные. Лес являлся домом для неисчислимых диких стад и птичьих стай. Он дарил дерево для постройки жилья и лодок, орехи в пищу и ягоды, сок которых, если перезреют, становился сладким и пьянящим.

Йорген поставил на берегу дом и обнёс его частоколом. Принялся переправлять с одного берега на другой заплутавших путников да жителей близлежащего поселения, которые шли в Онаскан. Когда, уже стариком, Йорген умер, его сыновья Хаук и Лъёт, вернувшись из походов да принеся с собой знатную добычу, продолжили дело своего отца.

Тем и кормилась семья, жившая тут несколько десятилетий: охотилась, собирала орехи и ягоды, рыбачила да на лодках переправляла скитальцев. Оттого и стоят по сей день на берегу у серой песчаной полосы старый дом и высокий частокол, защищающий от волков и кабанов, а у воды сложены две лодочки-долблёнки.

Только семья, прежде большая, теперь состояла из двух человек – отца-старика и его дочери Ингрид. Отец ходил на охоту, рыбачил, и сухое, худое, но сильное тело его само было как тетива или леса. Дочь же его была высока и крепка. Плечи, как у иного мужа, – широкие и сильные, лицо твёрдое, спокойное. Только шрам на губе превращал её улыбку в недовольную гримасу. А улыбалась она редко – бывало, запрыгнет в лодку рыба, Ингрид и засмеётся, мол, глупая ты, воду с деревом путаешь. Или пройдёт по берегу белый жеребец с рогами оленя – проводит его Ингрид долгим восхищённым взглядом. Конь остановится у воды, напьётся, посмотрит на неё и уйдёт обратно в лес. А Ингрид уж гребёт изо всех сил к берегу, нажимая на вёсла сильными мозолистыми ладонями. Пристанет к берегу – и бежит за чудесным зверем. Окликнет его, позовёт. Остановится лишь на полянке с красными ягодами, чтобы отдышаться, а белого коня с оленьими рогами нигде уж и не разглядеть.

Тогда только и улыбалась Ингрид.

Всю жизнь свою она прожила около Тёплой. Не знала никогда ни высоких стен Онаскана, ни чужих поселений, а потому быстрая река казалась ей самым прекрасным местом на свете. Никого, кроме отца и редких путников, не видела она и оттого не могла разглядеть красоту и доброту в человеческих лицах. Зато рыбью блестящую шкурку считала прекрасной, и Ингрид, рассматривая свою покрытую чёрными волосками кожу, находила её уродливой. Путники не говорили с ней – лишь договаривались о плате за переправу, а Ингрид и тому рада была.

День ото дня Ингрид приходила к реке – лишь в воде чувствовала она свою силу: безмолвную, тугую, гибкую, но непокорную. От этого, может, и глаза её были серые, как сталь водной глади, а волосы тёмные, струящиеся, словно подводные течения, до которых не достаёт солнечный луч. Не раз говорил ей отец, что красивой она станет женой и матерью, но только Ингрид его и слушать не желала.

– Себе я верна. Себе и воде, – был ответ её.

Старик Хаук не перечил ей, лишь согласно кивал. А тем временем минуло Ингрид прошлой зимой девятнадцать лет – отец заботливо считал каждый год.

Ушли колдуны в непроходимые чащобы, а порядки свои оставили, и Ингрид, сама того не зная, продолжила их традиции. Манила её река, будоражила, пьянила. Выросла Ингрид вместе с Тёплой, и тайна родилась меж ними: обвенчалась она с рекой, как прежде венчались колдуньи из племён суми с водой. Стала для Ингрид река и женой, и мужем.

Ингрид нырнула, достала рукой до ключей, что расталкивали своей силой ил и мелкие камешки. Вода на дне была мутна от их непрерывного движения, но стоило оттолкнуться ногами, помочь себе единожды взмахом рук, откроешь глаза, взглянешь вокруг и увидишь всё точно в воздухе – так чиста была вода. Над головой проплывали пучки водорослей, похожие на копны женских волос. На миг они заслоняли солнце, а потом уходили прочь вместе с течением, дабы зацепиться за берег и прирасти на мелководье. Ингрид вынырнула, чтобы глотнуть воздуха, а потом снова опустилась на дно.

Зелень и синева правили здесь, когда солнце в редкие дни светило в полную силу, покрывая поверхность реки бликами, похожими на чешую. И вот, устав от ныряний, Ингрид поднялась, глотнула воздуха и замерла на поверхности, раскинув руки. Ледяная вода и тёплый воздух спорили рядом с её телом.

Так, плавая на спине и неспешно шевеля ногами, она думала о многом. О лесе, о белом коне с оленьими рогами, что так часто являлся в этих краях, размышляла о себе и воде, об отце, припоминая его рассказы о южных жарких землях, где белеет не снег, а песок. Хаук мешал свои истории с легендами о богах, так что Ингрид, путаясь, останавливала его. Иногда в рассказах появлялась её покойная мать, и тогда Ингрид, затаив дыхание и приоткрыв рот, слушала отца, пусть и знала эти истории почти наизусть – с рождения приросли они к её сердцу. Правда, и старик был не так-то прост, часто добавлял новое: что-то стиралось из памяти, что могла напомнить дочь, а что-то придумывалось на ходу, с лукавинкой. Но мать Ингрид и старшие братья навсегда оставались сухими рассказами, точно не хотел отец перевернуть их жизнь, боясь испортить даже мелкой незначительной присказкой. Правдивая сага срывалась с его языка.

А ещё отец рассказывал о море. И так поражало оно Ингрид величиим своим, что долго не могла уложить она эту бескрайнюю и безбрежную мощь в голове своей.

– Это как широкая река? – спрашивала она тогда.

– Нет, – отвечал Хаук с улыбкой. – Больше.

– Это как пять широких рек... нет. Десять?!

– Нет. Больше. Ещё больше. Ещё злее и темнее.

– И волны, наверное, высоки...

– До самих парусов бывает. Немало людей погубили. Держишься за весло, а случилось, повернёшься, а друга твоего уже и нет – держался слабо. Наверное, потому вода солёная и тёмная, что кровью нашей и потом напиталась. Засолилась.

– Солёная? – переспрашивала она удивлённо.

– Да. Как кровь, только рыбой отдаёт.

И Ингрид всё думала, как может быть солёной вода. А потом снова спрашивала:

– А у моря есть свой бог?

– Есть, конечно. Бог могуч, силён, как само море. Поговаривают, будто пена морская – это борода его белая и седая. А волны поднимаются, так это оттого, что он гневается, мол, в бороде его щепки запутались – надобно стряхнуть.

Ингрид смеялась. Хоть отец и смотрел печально, он улыбался.

– А у реки свой бог тоже есть?

Отец тогда чесал бороду, задумавшись, и отвечал:

– Не думаю, не слыхивал я о таком. Были, конечно, в воде речной духи, злые и добрые, но про богов вот не слыхивал.

– Тогда я буду её богом, – с удовольствием, но тихо, чтоб не услышал отец, шептала Ингрид.

Она ухмыльнулась дрожащими губами. Пора бы выходить из воды. Она медленно поплыла к берегу, нарочно не на шаривая дно, пока животом не коснулась песка. Ингрид вышла на берег, чувствуя, что окончательно замёрзла, подставила спину солнцу, расплела длинные тёмные косы. Когда тело обсохло под ласковыми лучами, она торопливо оделась.

Провожать день Ингрид поднялась на холм – любила она с него смотреть на зелёную шапку леса и пролысину двора, обнесённого старым частоколом. Расчесав ещё влажные волосы гребешком, она заплела их в одну рыхлую косу, которую перевязала любимой голубой лентой. С собою Ингрид прихватила дудочку. Облизав засохшие губы, она тихо дунула в неё и, поймав нужный звук, продолжила песню. Отец всё не возвращался – наверное, решил заночевать в лесу, поэтому песня была тонка и грустна, но таила в грусти своей тихое счастье от прожитого дня. За днём, почти минувшим, слагались в прошлое былые дни и воспоминания.

Погода стояла тихая и покойная. Не чувствовалось ветра ни с моря, ни со стороны далёких гор. Вода была как полотно – ничто не нарушало её невидимого движения. И в этой хрустальной тишине ясно и грустно звучала дудочка. Она замолкла только тогда, когда из лесу на берег вышел незнакомец – молодой мужчина. Ингрид отняла дудочку от губ и с тревогой пригляделась к нему.

Он был одет невзрачно, но добротнo. На рубашке не виднелось ни дырочки, ни заплатки, а за спиной на кожаном ремешке вместе со скудными пожитками висел алый плащ. В руках незнакомец держал лук. Мелькнул в просвете древ закатный луч, и волосы незнакомца окрасились золотом, да таким, что позавидовала бы сама жена Асабрага.

Мужчина заметил Ингрид, сидящую на яру, и обратил к ней свой взор. Она затаила дыхание – так прекрасен он был. Кажется, за всю свою жизнь не видывала она человека здоровее и краше. Мужчина махнул ей рукой, подзывая к себе.

Ингрид сошла с холма ему навстречу, заткнув дудочку за пояс. Вблизи незнакомец оказался ещё пригожей. Был он невысок, но хорошо сложен. Кожа его сияла, как ясное солнце, на скулах и носу пестрела россыпь веснушек. Золотистые волосы лежали на плечах тугими кудрями, а под рыжими усами в бороде играла ухмылка. Лишь голубые глаза отливали зимним колючим холодом. Ингрид смело заглянула в эти глаза, без тени стыда или страха, точно в лицо своему отражению на воде. Незнакомцу понравилась её гордость, усмешка на его губах превратилась в улыбку. Он прищурился, присматриваясь к ней с любопытством.

– Тут ли переправа через Тёплую? – не приветствуя спросил он.

Ингрид молча кивнула.

– А до брода далеко ли?

– Нет, – ответила Ингрид. – Но там придётся пробираться через камыш почти по пояс в воде. Можно дойти до порогов, где водят скот, но вот туда уже далеко идти.

Незнакомец покачал головой. Знал он, в какой стороне пороги, но идти туда не было никакого желанья. Не дожидаясь ответа, Ингрид пошла к лодке, столкнула её в воду, придерживая за верёвку, и одним лишь взглядом пригласила незнакомца сесть.

– Скорая ты, – усмехнулся мужчина. – А как же плата? Возьмёшь?

– Возьму, – твёрдо ответила Ингрид. – Отец просил брать ломаное серебро или что-нибудь съестное.

Мужчина полез в сумку, доставая кошель. Выудил ломаную серебряную пластинку и тут же добавил к ней три целые серебряные монеты, на каких красовались кресты и лица.

– Что же, это слишком много. Я не возьму лишнего.

Незнакомец бросил на Ингрид насмешливый взгляд.

– Больно ты честная. Вот только и я честный, а потому плачу за твою работу целым серебром. Возьми. – Он протянул ей монеты. – Кто, кроме меня, даст тебе столько? Купишь себе ещё лент в волосы. Будешь не только честная, но и красивая.

Ингрид почуяла неладное – слишком уж добр был к ней чужак. Не встречала она прежде подобного отношения ни от кого, кроме как от отца. Ингрид строго посмотрела на протянутую к ней ладонь с монетами и несогласно качнула головой, прикусив тонкие губы.

– Я не возьму лишнего, – повторила она.

Улыбка на лице мужчины стала ещё шире. Его явно забавляло то, как всё складывается. Что-то он придумал, и это читалось в его взгляде. Лицо Ингрид оставалось непроницаемым.

– Как тебя зовут? – зачем-то спросил мужчина.

«Какое тебе дело до моего имени?» – хотелось ответить ей, но вместо этого она негромко произнесла:

– Ингрид.

– Ингрид, – повторил мужчина, будто смакуя имя на устах. – Меня зовут Ольгиром. Знаешь, что я скажу тебе, Ингрид. Возьми-ка ты это серебро и выполни свою работу честно. Так, как считаешь нужным.

– Как же?

Сняв башмаки, Ольгир зашёл в воду и подобрался к Ингрид так близко, что она могла рассмотреть каждую веснушку на его щеках. Он поймал своей сухой рукой её ладонь и вложил все до единой монеты, после чего сжал её пальцы в кулаке, точно не хотел, чтобы серебро упало в воду. Ингрид ощутила на своей шее его горячее дыхание, и сердце её забилося, готовое выскочить из груди. Дурные мысли муравьями полезли в голову одна за другой, страша и мучая её.

Ольгир же, оставив плату, шагнул мимо и ловко забрался в лодку. Сердце Ингрид рухнуло в пятки.

– Раз уж честность для тебя так много значит, то покатай меня на лодке от одного берега до другого, пока не отработаешь моё серебро.

Ингрид недоумённо свела брови, и Ольгир рассмеялся звонко и задорно. Смех его был так заразителен, что губы Ингрид дрогнули в подобии улыбки.

– Будешь катать меня всю ночь, так я тебе всё своё серебро отдам, – лукаво произнёс он.

Ингрид села в лодку напротив Ольгира, бросила под ноги верёвку, устроила вёсла в уключинах и налегла грудью. Вода шумно разошлась под лодкой. Река была тут не так широка, но быстрое течение не позволяло добраться до противоположного берега скоро и без особых усилий. Ольгир без утайки рассматривал Ингрид, её сильное девичье тело, ещё не согнувшееся от работы и не осевшее от родов и кормления. Ингрид, чувствуя на своей груди чужой взгляд, еле сдерживалась, чтобы не ударить незнакомца веслом.

Плыли они молча, и вскоре это наскучило Ольгиру. Он снова сощурил голубые глаза, как показалось Ингрид, недобро.

– Тебе не любопытно, как я забрёл сюда?

– Нет, – каменным голосом ответила она, налегая на вёсла и борясь с течением.

– А мне вот любопытно, – протянул Ольгир. – Как задумаюсь, так диву даюсь, что же со мной такое случилось. Стыд берёт и злоба.

Последнее слово он произнёс с еле слышимым рыком. Голос его ожесточился. Но заметив напряжение в лице Ингрид, Ольгир вновь ухмыльнулся, смягчая сказанное. Ингрид успела привыкнуть к этой его усмешке, которая, казалось, появлялась на его лице вне зависимости от того, что лежало у Ольгира на сердце.

– Я провинился перед отцом, и он изгнал меня. Сказал, что не ждёт дома, пока не принесу ему Белую Гриву. Слыхала о таком?

– Нет.

– Это белый жеребец с оленьими рогами. Хвост у него из перламутра, а копыта и рога – из серебра. Я сам и не думал, что он правда существует, да только видел я его сегодня днём своими собственными глазами. Ходил тут неподалёку. Следы его видел аккурат у частокола твоего дома – так близко был... Видала?

Ответом ему была тишина. Ольгир снова ухмыльнулся. Лицо его давно привыкло к этому выражению, и теперь оно появлялось и вместо улыбки, и вместо злого оскала.

– Вбил себе в голову мой старик мысль, хочет, чтобы я принёс ему шкуру коня. Вот я и ищу его, кажется. А на самом деле как будто бы я ищу прощения. Хотя, знаешь, – он фыркнул в усмешке, – думаю, рога из серебра и мне бы не помешали. Тяжёлые, наверное, они. Дорогие...

Ингрид рассердилась, испугавшись, что Ольгир и впрямь сможет отыскать и убить дивного коня, которого так часто видела она в лесу у дома. Но ещё сильнее Ингрид сердилась на себя, за то, что допустила, чтобы незнакомый мужчина так запросто играл ею и забавлялся её присутствием и работой. Внутри неё росла обида, но виду Ингрид старалась не показывать, оставаясь холодной, замкнутой. Лишь серые глаза её стали острыми, как узорная сталь на лезвии ножа.

Ингрид развернула лодку одним мощным движением. Злоба давала ей сил. Теперь они плыли назад к её жилищу. Мысленно Ингрид взмолилась, чтобы отец вернулся скорее из леса и дал отпор незнакомцу.

Вода расходилась от лодки, уплывала сама от себя. В ней отражалось жёлтое небо долгого вечера, неспешно превращающегося в белую ночь, и птицы со светлыми крыльями, которые, найдя на миг и вновь потеряв свой нежный облик в отражённом небе, летели прочь искать себя на суше. Последний луч солнца скользнул по сильным оголённым рукам Ингрид и открытой шее, вызолотив тонкие волоски на коже. Ольгир умолк, любуясь ею.

Ингрид снова развернула лодку, надеясь, что ему уже наскучило плавание от одного берега к другому. Солнечный свет потух, исчезнув в небесах и воде, но его часть будто бы осталась медным отсветом в тёмной косе Ингрид, переплетённой потёртой голубой лентой. Ольгир развернул свой плащ и накинул на плечи, спасаясь от подступающего холода. В руках его блестела большая фибула.

– Остановись, – голос Ольгира прозвучал властно.

– Нас снесёт.

– Ну и пусть. Я дал тебе достаточно серебра. Вытащишь лодку и донесёшь.

Ингрид нечего было ответить на эти слова, но она продолжала упрямо грести.

– Да стой же.

Ингрид подняла над водой вёсла. Течение, развернув лодку носом вперёд, неумолимо понесло их прочь от переправы.

– Положи их в лодку. – Ольгир кивнул на вёсла.

– Чего ты добиваешься? – недоумённо вскинулась Ингрид. – Я не хочу ни за какое серебро волочь лодку от брода до дома!

– Положи их в лодку, – повторил Ольгир. Правая щека его дёрнулась.

Ингрид заглянула в насмешливые глаза и, не опуская взгляда, вытащила вёсла. Она смотрела на него теперь уже с плохо скрываемой ненавистью. Сколько же лис он прячет за ушами?

Холодок прошёл по коже Ольгира от её пронзительного гордого взгляда. Он облизал пересохшие губы и резко потянулся к ней всем телом. Губы их соприкоснулись, и Ольгир схватил Ингрид за волосы, плотнее притягивая к себе. Ингрид вновь опалило его горячим дыханием. Она замерла, не зная, как вести себя. Тело её стало безвольным и непослушным.

Ольгир жадно и требовательно впился в её губы. Ладони его сновали по телу Ингрид, и от каждого прикосновения в крови загорались искры. Голова опустела, мысли покинули её, и всё, что осталось, – это сбивчивое из-за поцелуев дыхание да обезумевшее сердце. Весь мир куда-то унёсся, не оставив времени на размышления.

Ольгир нетерпеливо приподнял подол её платья, и мозолистые пальцы его коснулись нежной кожи бёдер. Ингрид как иголками пронзило. Она отшатнулась от Ольгира, вжалась в лодку и бросила на него яростный взгляд. Пугающее ощущение реальности нехотя возвращалось к ней. Всё тело её затрясло как в лихорадке.

– Не трогай меня, – непослушными, дрожащими губами произнесла она.

Ольгир склонил голову, вновь ухмыльнувшись.

– Клянусь, я убью тебя, если ты ещё раз тронешь меня. – Голос её обрёл силу. – Проклятием стану!

Снова та же полуулыбка. Ольгир, не обращая внимания на её слова, вновь приник к её телу. Он несильно прикусил её за шею и потянулся своими устами к её лицу. Ингрид запрокинула голову и закричала, что было духу. Крик её быстро сорвался. Он снова запустил руки под платье, и Ингрид тонко всхлипнула от страха – такой беспомощной она себя ещё никогда не чувствовала.

– Убери руки! Убери!

Но Ольгир не слышал её. Она снова закричала, и Ольгир зажал ей рот ладонью.

– Не кричи, – прошептал он.

Ингрид рванулась, пытаясь высвободиться, но Ольгир оказался гораздо сильнее её. Она брыкалась, лягалась, но всё было без толку. Её отчаянное сопротивление, казалось, лишь веселило и дразнило Ольгира.

– Тш-ш-ш, – шикнул он. – Тише ты, тише. А не то потопишь нас.

В тот же миг их слуха достигло конское ржание. Ольгир замер. Он поднял голову, бросив быстрый взгляд на противоположный от переправы берег. Там, куда медленно их несло течение, стоял тот самый сохатый конь и яростно бил копытом. Белая Грива. Брови Ольгира удивлённо поползли вверх – так близко и ясно Белую Гриву ему ещё не доводилось видеть. В тени леса он казался выше лося и сильнее медведя, а растрёпанная грива его почти доставала до воды.

Ингрид, воспользовавшись заминкой, вырвалась из ослабшей хватки Ольгира, ударила его по шее коленом и рыбкой ринулась в воду. Ольгир охнул, падая на днище лодки. Он попытался схватить Ингрид за волосы или платье, но лишь горстью хватанул воздуху. Лодка же черпанула изрядно воды, чуть не потопив Ольгира. Одно из вёсел медленно поплыло прочь, второе скользнуло в реку следом.

Ольгир откашлялся и закричал.

– Где ты, Ингрид? – рявкнул он, оглядываясь, но ни её, ни белого коня нигде больше не было. Точно пригрезились они ему.

Гладь воды не выдавала своей хозяйки – ни одного всплеска не услышал Ольгир.

– Троллье ты отродье! Куда подевалась?! Вернись сейчас же!

Не показываясь на поверхности, Ингрид отплыла в сторону. Воздуха в груди не хватало – страх сжимал лёгкие, но она боялась вынырнуть. Тень лодки, увлекаемой быстрым течением, проплыла над её головой. Ингрид пристала к берегу и, зацепившись за корни, уходящие глубоко в воду, наконец вынырнула. Река сберегла её, спрятав от злого взгляда в тени берега. Ингрид дрожала всем телом, но не от холода, а от страха. Грудь её распирало от бесслёзных

рыданий. Лодку уносило прочь, и Ингрид, взывая к праотцам, взмолилась, чтобы этот незнакомец не нашёл её вновь.

Лодка плыла всё дальше и дальше, точно назло Ольгиру не натываясь на отмели. Приближаясь к берегу, лодка замирала, словно в раздумьях, а потом снова неспешно пускалась прочь, несколько кренясь. Частокол у переправы скрылся за холмом. Ольгир зарычал. Бросаться в воду не хотелось. Вода была ледяной, даром что реку обозвали Тёплой. Сумерки холодили эту прозрачную кровь земли, напитокывали своей нетерпеливой темнотой и остывающим горем. Река мстила ему.

И всё эта дрянная Грива. Не поверил бы, коли своими глазами не увидел. Ольгир ещё раз бросил злобный взгляд на берег и скрипнул зубами, внутренне кипя от ярости. Так ненавидел он любые неудачи и в гневе своём был страшен, отдаваясь ему всецело.

Надо решать, как быть, и скорее действовать, пока не накатило угрюмое бессилие.

На берегу точно кто-то развёл огонь. Ольгир, заметив свет, окликнул людей, но ответа не было, а свет, усиливаясь и белея, подбирался всё ближе и ближе к воде, решительно расталкивая сумерки, что разбегались, путаясь в своих волосах и длиннополых платьях. Свет шумно фыркнул, и Ольгир, прежде сомневавшийся в том, чтобы нырнуть в воду, теперь же не раздумывая выпрыгнул из лодки, предварительно перекинув на берег лук и часть вещей.

Намокнув, одежда потянула вниз, к далёкому дну. Растерявшись, Ольгир запутался в отяжелевшей ткани – плавал он плохо. Наконец ноги его нащупали дно, оттолкнувшись, Ольгир устремился наверх и торопливо поплыл к берегу, вразной перебирая ногами и руками. Он вышел из реки, распрямился, раздражённо глянул на мокрую одежду, с которой текло ручьями. Холодная вода несколько не убирила его пыл, лишь раззадорила.

Он быстро переоделся во всё, что осталось сухим, попутно прислушиваясь к звукам леса. Белая Грива всё это время был где-то совсем близко. Ольгир бросил мокрую одежду на берегу, подпоясался ремнём с висющим на нём дорогим ножом, подобрал лук и заозирался по сторонам, прикидывая, куда следовать.

Ольгир снова оказался в непроглядном еловом лесу, и долгий день не мог изгнать всю тьму, что поселилась здесь однажды. Казалось, сюда не заглядывало солнце. Под каждым деревом мерещились дымные тёмные твари, похожие на сплетения резных узоров с храмовых стен. Они смотрели на незваного гостя с опаской, но и с любопытством, будто предвкушая, как будут водить его ложными тропами и истязать страхами.

Река, как черта, отделяла этот тёмный еловый лес от ясеневый, что остался за спиной. Ольгир всматривался в сумрак, заключённый в клетку из хвойных лап. Сумерки казались живыми, похожими на пыль и дым. Каждая злосчастная частица мрака, каждая чёрная тварь была сама по себе и служила лишь одному своему существу, боясь ещё объединяться под стягом ночи.

Услышав шум потревоженных вдалеке ветвей, Ольгир юркнул за широкое дерево. Но шум был ложным – вскоре он продолжился криком сойки. Тогда Ольгир вышел из своего укрытия и обратил взор на землю, выискивая следы. Глаза подводили его, боясь темноты, слепли в ней, чтобы не видеть пугающего. Но всё было спокойно на том месте, где, как показалось Ольгиру с воды, разразился белый костёр.

Чувствуя тупую и глухую злобу, Ольгир решил углубиться в чащу. Он шёл осторожно, будто был рождён диким зверем в этом уродливом лесу. Ветки тянулись к нему, смыкая колючие иглы то на шее, то на запястьях, то отнимая лук. Ветки были словно руки. Ольгир старался обходить их. Одна из этих рук так обхватила его правую кисть, что Ольгир, не ожидавший этого, шумно вздохнул и дважды рубанул ветвь ножом. Та переломилась пополам и обмякла. Из древесной раны выступила прозрачная клейкая кровь, медленно наливающаяся краснотой. Ольгир не был суеверен, и в рассказни древних старцев не верил, но сердце его бешено заколотилось от такого зрелища.

Прибавив шаг, он пошёл скорей, доверяя своему чутью, но сохатого коня так нигде и не встретил. Земля, вся застланная гнилой листвой, ветками и палой хвоей, была влажна. Ольгир оставлял за собой глубокие следы, куда бы ни пошёл, но Грива, видимо, ходил и по воде, и по воздуху. Ветки трескались от его прикосновений с грохотом грома, выдавая каждое движение, – Ольгир был напуган, и лес, чувствуя и вдыхая его страх, давил всё сильнее. Нос раздражался запахом гнили и потрошёной плоти; кровь чудилась в каждой сломанной ветви, с каждого сорванного листика текла бесцветная прозрачная жидкость, похожая на ту, что сочится из ран. Ольгир закрыл лицо ладонью, но, прислонив её к коже, вздрогнул, почувствовав что-то липкое. Он отнял руку от лица и увидел, как с неё течёт холодная мерзкая кровь. Ольгир попытался вытереть её о мох, растущий на ближайшем дереве, но только коснулся поверхности, дерево рассыпалось трухой, и рука по самый локоть увязла в гнили. Ольгир попробовал вытянуть её, но дерево не отпускало. Зарывав на него, как волк, он ударил ножом в зелёное пятнышко мха, и дерево, ослабив хватку, разомкнуло своё чрево, высвободив руку.

Так он шёл дальше, тихо взрыкивая на каждую ветвь, что начинала тянуться к нему в заботливом материнском жесте. Будто почувствовав достойный отпор, лес усмирился, успокоился и позволил продолжить охоту. И тут Ольгир снова увидел белую вспышку. Он замер, пытаясь разглядеть очертания света, но тот был слишком размыт и туманен. Так, вглядываясь азартно во тьму с растущей надеждой, Ольгир совершенно потерял бдительность, и лес подло воспользовался этим.

Из-под ног вдруг ушла земля. Ольгир упал, чуть ли не налетев на собственный нож. Схватившее его за штанину чудище поволокло Ольгира под выступающими над землёй корнями вниз по склону. Он постарался ухватиться за округлый корень, но тот прахом рассыпался под ладонью. Извернувшись, Ольгир попытался разглядеть то, что схватило его, и оно, точно смутившись, вдруг отпустило и бесшумно исчезло, растворившись во мраке, а может, это и был сам мрак...

«Тролли! – догадался Ольгир, услышав подсказку колотящегося сердца. – Вот кто наводит на этот лес мрак и страх!»

В голове его вдруг сам собою возник лик девы с переправы. Ингрид. Уж она-то точно не боялась леса, и он не трогал её. Сама, наверное, принцесса этих лесных троллей. Догадка отчего-то развеселила Ольгира. Он тихонько рассмеялся, глядя вверх, на кроны, и не видя звёзд.

– А в прошлый раз ты не пытал меня, – смеясь, проговорил Ольгир и похлопал землю ладонью, будто друга по плечу.

Лес ответил ему пронзительным и хриплым криком совы. Точно сама Смерть вскрикнула над его головой.

– Что, лес?! Что кричишь? Эй вы, тролли! – хрипло закричал Ольгир. – Вступились за свою принцессу? За ту речную девку?

Он снова рассмеялся и опустил голову на мягкий мох. Слышно было, как стучит напуганное сердце.

Ольгир отдышался, сел на земле так, что окружавшие деревья оказались от него на равном расстоянии, что создавало хотя бы призрачное ощущение спокойствия и защищённости.

Рядом валялся лук. Ольгир был весь вымазан в грязи, так тухло пахнувшей кровью, что тонкое обоняние его, так и не свыкнувшись с мерзкой вонью, просто отказало. Дышать ртом было проще, но, оседая на горле, запах вызывал тошноту. Ольгир поднялся, подобрал лук, погрозил всему тому, что было у него за спиной, ножом и двинулся в сторону света.

А свет этот никуда и не уходил, точно дразня, остановился в двух сотнях шагов от Ольгира. Отчего-то не пугался этот сгусток белизны ни непривычных звуков, ни самого леса. Все деревья, казалось, льнули своими молодыми побегами к неведомому существу, боясь навредить тому своими бугристыми и сухими отростками. Ольгир смотрел на белого жеребца из своего убежища, понимая, что не удастся ему никак остаться незамеченным. Лес выдавал его со всеми потрохами, насмехаясь и подставляя под ноги коленистые корни, а в лицо швыряя листья, перепачканные кровью.

Вот она – такая близкая добыча! Она принесёт немало славы... А отец... А что отец? Дурная утеха и игрушка для старого человека этот Белая Грива. Ольгиру не нужны были в этот миг ни шкура его, ни венец из рогов, ни прощение правителя. После стольких дней странствия он нашёл то, за чем следовал, что дразнило его и злило, и теперь он, криво ухмыляясь, упрямо пошёл к своей добыче.

Ольгир достал стрелу, вложил в тетиву и, прицелившись, отпустил оперённую от щеки. Стрела пролетела, но не достала до цели. Белая Грива, кажется, даже и не заметил того, оставшись стоять на прежнем месте. Ольгир взял ещё одну стрелу и, приподняв наконечник повыше, вновь отпустил тетиву. На этот раз он не увидел, куда упала стрела.

– Слишком далеко, – прошипел Ольгир и, потянувшись было за третьей стрелой, махнул рукой.

Он медленно приближался к коню. Деревья, озаряемые его таинственным светом, были ещё кошмарнее и страшнее, чем во тьме. Ольгир слеп, терял тонкий нюх, и уши его боялись уж слушать, но он шёл, почти не моргая, глядя на Белую Гриву.

Конь знал эти места, а Ольгир – нет. Лес любил Гриву, а его – нет. И всё же он, движимый лишь стремительной и упрямой силой, шёл за конём. Но расстояние меж ними оставалось неизменным, и Ольгир, не стерпев, сорвался с места на бег.

Ветки хлестали по лицу и одежде, цеплялись за волосы, желая выдрать их, но Ольгир не замечал всего этого, продолжая преследовать добычу. В руках у него был лишь нож, но в сердце была сила, в теле бурлила кровь. Лук он бросил, когда тот в очередной раз застрял в ветвях. Когда деревянные руки хватили Ольгира за плечи, то опрокидывая на спину, то швыряя в сторону, он поднимался, рубил их нещадно и быстро. Деревья кричали, и от этого крика всё нутро Ольгира сжималось. Он сам хотел кричать, резать себя ножом, полосовать, как эти ветки, но одного лишь взгляда на сияющий хвост коня хватало, чтобы подняться и заставить себя бежать дальше.

Но и Белой Гриве было несладко – Ольгир видел его сияющую в темноте шкуру, как бы он ни пытался скрыться. Шкура его оставалась чиста и бела, точно лён. Ему приходилось опускать голову к земле, чтобы рога не застревали в низких ветвях, ведь он был крупнее и выше любого лося. Он замедлялся, ожидая, когда неповоротливые и будто ожившие деревья пропустят его вперёд.

Ольгир старался бежать быстрее, но ноги его вязли, скользили. Он падал снова и снова, рассыпая оставшиеся за спиной стрелы, но не терял из виду своей добычи. Он и сам уж чувствовал себя загнанным, пойманным, но отчаянная злоба тащила его вперёд, будто он был привязан за верёвку к копытам сохатого коня. Ловкость и выносливость изменяли Ольгиру.

Но в тот момент, когда он уже был готов упасть и погибнуть, отдаться объятиям этого леса и Смерти, которые вдруг стали для него ликом одной и той же сущности, под башмаками пробилась яркая свежая трава. Её колкие, но упругие грани не мазались кровью, не оставляли на коже красных следов. Конский хвост перестал быть единственным источником льющегося

в этот страх света. В прорехах листвы и игл появилось светлеющее небо, окрашенное хмурой желтизной долгого дня.

Ольгир в который раз упал, но тут же заставил себя подняться. Конь перешёл на рысь, также почувствовав уверенность в ногах. Он высоко и гордо вскинул голову, приветствуя блёк- лую луну, как старого друга. Под ногами его танцевали альвы. Ольгир, не ожидая от Белой Гривы такой прыти, чуть было не закричал ему вслед «Постой!», но клич остался тихим от слабости звуком на губах.

Никогда больше он не согласится идти напрямик через этот лес.

Не давая себе отдыху, Ольгир продолжал гнать себя вперёд, хоть ноги его заплетались и спотыкались.

Вскоре трава стала короче и жёстче – начинались пастбища, примыкавшие к селениям. А там недалеко и город Онаскан. Тут уж силы окончательно покинули Ольгира. Точно загнан- ная лошадь, он рухнул на траву и закашлялся глубоким и прерывистым дыханием. К глазам подступала темнота, но, моргая и жмурясь, Ольгир гнал её прочь.

Сохатый остановился. Обернулся, махнул хвостом, тонко заржал. Конь обошёл Ольгира по большой дуге, но постепенно стал сокращать расстояние, пока вплотную не приблизился к лежащему человеку. Его грязное лицо было обращено вверх, к светлому небу, глаза закрыты, а рот, напротив, открыт, и из него вырывалось быстрое хриплое дыхание. Белая Грива обнюхал Ольгира и, почувствовав запах крови и гнили, пугливо отпрянул. Рогами своими он случайно коснулся его груди, и Ольгир, закашлявшись, поднял голову и перевернулся на живот, наме- реваясь встать.

Конь зарысил прочь, но остановился неподалёку.

– Вот дрянь, – скрипнул зубами Ольгир. – Ты что, играешь со мной?!

Он с трудом сел, чувствуя дрожь во всём теле. Его мутило, в голове всё меркло и теря- лось. Ольгир положил голову на руки, устраиваясь удобнее. Зрение, раздражаясь сверкающим пятном пасущегося жеребца, постепенно возвращалось и обретало силу.

Кажется, охота переросла в привал – конь ходил вокруг, разбрасывая туман и слизывая с травы росу. Ольгир рассматривал создание, жадно запоминая его вид, как полугодовалый ребёнок, который вдруг понял, что наделён острыми глазами. Любопытство возвращало его разум, выхватывая из когтистых лап тьмы, – ничего подобного Ольгир никогда не видел и не испытывал. Гнев ушёл. Ужас ещё грыз, но не больно, точно кусал несуществующий у человека хвост: вроде бы и чувствуешь, но не явно.

– И что ты за существо такое? – вслух спросил Ольгир, кашляя.

Белая Грива, до которого лёгкий ветер наверняка доносил слова, постриг недовольно ушами. Ольгир похлопал руками пояс и, обнаружив на нём флягу с водой, выдохнул облег- чённо. Хоть что-то лес не отнял.

– Почему же ты не отходишь от меня далеко? – продолжал размышлять он вслух, между словами катая по полости рта небольшой глоток воды вперемешку со слюной. Сплюнул в траву.

– Ты заблудился и потерялся. Я тебя вывел.

Ольгир, в этот момент поднёсший флягу ко рту, расплескал воду и закашлялся. С ума сошёл, точно.

– Что?!

Белая Грива молчал и жевал траву, точно убеждал Ольгира в том, что ответ ему лишь померещился.

– Это ты сказал?

Тишина.

– Это я, по-твоему, заблудился? Отвечай!

Тут уж конь не удержался и поднял удивлённо голову.

– Ты заблудился. Я вывел, – настойчиво повторил голос в голове.

– Но... но я же охотился!

– *Какая охота? Я испортил твою охоту, странник? Спугнул добычу?*

– Вот же...

– *Этот лес не лучшее место для охоты, странник. Я видел здесь больших волков и злых духов.*

Ольгир, сбитый с толку, хлебнул воды из фляги, и она, попав в горло, ощутилась такой настоящей, что он снова усомнился в реальности происходящего.

– Вот ты и сошёл с ума, дружище, – процедил он вслух.

Он потёр веки костяшками пальцев, открыл глаза, но белый призрак, сияющий огромной луной среди слепого звёздного неба леса и тёмного блестящего пастбища, никуда не исчез. Конь стоял на лугу, без охоты пощипывая жёсткие былки.

Ольгир внимательнее осмотрелся. Пастбище простиралось от деревьев до селения и до болота, но с одной стороны был овраг, куда местные приходили сбрасывать вываренные головы скота. К болоту люди носили хлеб, одежду и свежее мясо, чтобы задобрить богов или духов. А вот овраг был местом, куда несли то, что считалось испорченным и непригодным ни в пищу, ни в ремесло.

Белая Грива медленно шёл к оврагу, громко вырывая из земли траву. Вот конь уже стоял у самого края. На губах Ольгира заиграла довольная усмешка. Если напугать Белую Гриву и подойти сбоку, есть вероятность, что он оступится и упадёт вниз.

Ольгир поднялся на трясущихся ногах, выхватил нож и стал медленно приближаться к сохатому коню.

Сорок шагов. Тридцать. Двадцать. Десять.

Белая Грива поднял свою тяжёлую голову, внимательно разглядывая Ольгира, а потом снова опустил, наставив на него рога. Ольгир отвёл взгляд, смотря то на практически отвесный склон холма по правую руку, то на взволнованно подрагивающий лошадиный хвост. Сохатый стоял к нему боком, будто подставляясь. Ольгир догадался: он не собирался нападать и не хотел его ранить, лишь предупредил о том, что у него есть громадные рога. Которые, между прочим, ножом не срезать.

Ольгир поиграл потными пальцами на рукояти ножа и замер. Чтобы напасть, убить, надо найти в себе силы, а их не было. Он заглянул в себя, но нашёл лишь пустоту. Эта пустота была уставшей и сжавшейся, точно зверь в своей норе. Не было ни злобы, ни желания, которое совсем недавно драло его на части, ни уверенности в том, что нож попадёт туда, куда направит его усталая и дрожащая от напряжения рука...

В голове промелькнула быстрая мысль, что надобно будет бежать в поселение да просить у мужиков топор, чтобы срубить лошадиную голову. Сейчас же нужно лишь пырнуть Белую Гриву в шею или в ногу, ранить да столкнуть в овраг, откуда он не выберется, а после – дело за малым.

Ох и хорошо же будут смотреться серебряные рога над креслом в Большом доме...

Ему хватило всего пяти могучих прыжков, чтобы нож достал до цели. Конь заржал, взбрыкнул, извернулся. Ольгир понял, что промахнулся, но было уже поздно. Он хотел ударить по передней ноге, но Белая Грива подпрыгнул высоко, и мужчина чуть не угодил ему под копыта. Лезвие срезало лишь пук волос с длинной гривы.

Ольгир мысленно выругался и перекатился, сам скорее ныряя в овраг, чтобы спастись от серебряных копыт. Но конь, испуганно заржав, умчался прочь в сторону леса, оставив его одного. Ольгир отдышался, поднялся на локтях и от обиды ударил кулаком по земле. Встал. Ноги его увязли в вонючих овечьих и свиных черепах. Ольгир выбрался и проводил взглядом исчезающую меж тёмных елей Белую Гриву. Пустить бы ему стрелу в круп, да всё отнял троллий лес!

Ольгир сплюнул себе под ноги и увидел, что под башмаками его лежат белые конские волосы. Он поднял их и принялся рассматривать, крутя меж пальцев. Срезанные с гривы пряди искрились, как снег на морозе. Свечение их было так приятно глазу, что завораживало, но не слепило, лилось, точно играло на поверхности перламутра. Ольгир развязал сумку, достал кошель и положил в него конские волосы, а после отправил этот кошель за пазуху. Не с пустыми руками он вернётся к отцу...

Ольгир был без плаща. Тот остался лежать где-то в тёмном лесу, разодранный ветвями и колючками. Небо, напротив, отыскало свой – серебристо-серый, со стёртым знаком солнца на спине, и закуталось в него с головой. Утро было прохладным, выл во все флейты ветер. Его дыхание было тёплым и резким, так что он не пронизывал, но ударял то в спину, то в лицо, а потом замолкал, сбитый с толку массивом леса. Он насквозь пропах овцами, и вскоре Ольгир заметил небольшое стадо с мальчишкой-пастухом и белым крупным псом. Он прошёл мимо, не обращая внимания на пса, который принялся драть глотку рыком, точно учуяв волка.

– Белый, молчать! – прикрикнул мальчишка, но, увидев на невысоком, в три мужских роста, холме человека в изодранной одежде, перемазанного кровью и грязью, струхнул и замолчал, скрестив пальцы за спиной.

Ольгир без интереса посмотрел на мальчишку, его пса и стадо и пошёл прочь, сгибаясь под тяжестью ветра. Он немного хромал на правую ногу, но вскоре боль отступила – любые раны на нём заживали как на собаке. Хотелось смыть с себя всю грязь, но Ольгир знал, что тут рек поблизости нет, а те ручьи, что есть, – заболочены в овражках. Теперь уж терпеть до самого города либо идти в поселение искать колодец.

Впереди – как кстати – уже виднелись крыши небольшого поселения, а от него всего полдня пешком до Онаскана. Ольгир посмотрел на руки, одежду, обувь, коснулся спутанных в паклю волос, с которых сыпались листья, и ухмыльнулся с болью и смехом пополам. Как бы его самого не приняли за злого духа и не погнали огнём, камнями да палками.

Он шёл и думал – за мыслями расстояния становятся короче и мимолётнее. Иногда принимался тихо говорить вслух и шутливо препираться с самим собой. Редко доводилось ему бывать в одиночестве и тишине. Гораздо больше времени он проводил в шумных компаниях вояк да на пирושках, где громко горланил простенькие песни.

– И что сказать отцу, когда я заявлюсь в зал с пучком волос вместо шкуры или рогатой головы, как он просил? Что он мне скажет? – спрашивал Ольгир у самого себя и, чуть изменив голос, отвечал: – «Ну здравствуй, сынок. Спасибо за Гриву. Будет чем заштопать носки!»

Ольгир плюнул на траву, выразив тем самым своё отношение к отцу и сохатому коню.

– Перебьётся. Может, простил давно и Лейв прав. – Ольгир ускорил шаг. – Разве так велика моя вина? Убил нескольких купцов, но разве то были крупные птицы вроде детей Анунда? Так, какой-то родич. Разве не собирался мой отец и сам их наказать за нарушение слова... Разве не так?

Он замолчал, когда приблизился достаточно к первому двору, обнесённому хлипеньким разбитым плетнём – видать, все мужики со двора ушли в поход. Тут же был и колодец, рядом валялось опрокинутое ведро. Ольгир перешагнул через поваленную ограду, распугав гусей со

стрижеными крыльями, хотел было постучать в высокую дверь, спросить у хозяина, его ли это ведро, но только занёс кулак, как услышал высокий женский голос за домом:

– Ольгир! Чего ты удумал? А ну прекращай!

Он содрогнулся от звука собственного имени – как узнали его таким? Но тут, выскочив из-за стены, через плетень перескочил мальчишка и удрал в сторону пастбища.

– Ольгир! – закричала ему вслед мать, но мальчик только резвее засверкал пятками. – Ишь чего удумал, поганец!

«И правда, чего я только не удумал, – мысленно произнес Ольгир. – Удумался уже. Как пойдёт, так оно пушай и будет».

Тут женщина обернулась в сторону дома и вскрикнула, заметив страшного человека с занесённой над дверью рукой. Закрыла перекошенный от испуга рот ладонями и убежала прочь, туда же, куда помчался малец.

– Эй, да я только ведро возьму! – крикнул ей Ольгир, пытаясь перекричать её визг. – Во зайчиха.

В Онаскане было непривычно тихо, будто случилось что-то дурное. Стяги, ранее гордо развевавшиеся на ветру, были сняты, точно в городе держали траур. Привратники, пропустив Ольгира, начали перешёптываться за его спиной, и он, поняв, что их шептания напрямую связаны с ним, рыкнул на них. Стражники замолчали и потупили взоры.

Он ощущал подавленное настроение горожан всей кожей. Тишина была повсюду: пусть и сновали под ногами шумные дети, перебегали торопливо дорогу кошки, а люди шумели и спорили друг с другом, странное молчание затаилось в этих стенах, и Ольгир вступил в него, точно в белёсый туман.

Как и ранее, на него поднимали глаза, смотрели в спину, но было во взглядах что-то тяжёлое, и Ольгиру это совершенно не нравилось. Он занервничал, и когда мелкий торговец, зацепив его корзиной, пугливо отшатнулся, как от больного, Ольгир ускорил шаг.

Его терзало страшное предчувствие, похожее на давнее, но забытое видение. Он шёл так быстро, как только мог, но каждый шаг будто приближал его к неминуемой беде или к... уже случившейся беде.

В последний раз, когда были сняты со шпилей стяги, его мать везли в повозке к курганам. Ольгир содрогнулся, вспомнив мёртвое лицо матери, обложенное еловыми ветвями. Наверное, тогда он выплакал все свои слёзы. Больше их никогда не было.

Стража у Большого дома не остановила его, как было велено ранее, а свободно пропустила, сдержанно поприветствовав.

– Где он? – перебил их Ольгир.

– О ком ты? – Один из стражников нахмурился.

– Ты знаешь. Мой отец. С ним что-то случилось? Он умер? Почему спущены стяги?

– Нет. Он жив. Ждёт тебя в Большом доме.

– Ждёт меня?

– Да. Вскоре, как ты ушёл, он отправил отряд на поиски, чтобы вернуть тебя.

– Вернуть меня?

– Да.

– Но зачем?..

Стражник открыл было рот, но Ольгир нетерпеливо оттолкнул его плечом и отворил тяжёлые створки. Он вошёл в залу. Бухнула дверь за его спиной, и от образовавшейся тишины зазвенело в ушах. Казалось, ничего не было слышно, кроме биения сердца, отдававшегося в висках.

Его отец, Арн Креститель, сидел на резном кресле, опустив голову в ладони. Вся фигура его в богатых ярких облачениях казалась маленькой и ссохшейся, будто кто-то, насмехаясь,

одел выбеленный временем скелет в красный цвет конунгов. Ольгир остановился, боясь сделать лишний шаг, но потом двинулся скорее с места, к отцу. Арн поднял на него лицо, сочетавшее в себе бездумную, пустую злую горечь покорённой, крещёной ярости и спокойствие заиндевелой души.

Они не виделись двенадцать дней, но за это время Арн постарел на двенадцать лет. Он давно был болен, но стойко боролся с болезнью, а теперь же, казалось, проиграл этот бой.

Ольгир бессмысленно ухмыльнулся своей страшной догадке. Или же от напряжения просто дрогнула щека.

– Мой брат. Лейв. С ним что-то стало? – негромко спросил Ольгир, нерешительно остановившись в пяти шагах от отца. Всё его тело непроизвольно рвалось вперёд, будто он хотел удержать конунга, но былая обида не позволяла коснуться отца.

– Тебе уже рассказали? – прохрипел Арн.

– Нет.

– Видимо, хотели, чтобы ты узнал это от меня. – Он закашлялся.

Ольгир молча ждал, когда отец совладеет с кашлем.

– Его убил медведь, – сухо произнёс этот некогда красноречивый правитель.

Ольгир шумно втянул воздух носом.

– Как?.. Как это произошло?

– Его убил медведь, – повторил Арн, внутренне уже смирившись с непривычным звучанием ужасающих слов. Не впервой он теряет сыновей, но смерть первенца, наследника, сильнейшего из всех доблестных сыновей Онаскана, сломила его, как ломает ветер неупругие, могучие древа. – Когда ты ушёл, он отправился на охоту вместе со своим отрядом в ясеневую рощу.

– Я же был там...

– Но только ты вернулся ко мне живым, а не...

Арн осёкся.

– Они наткнулись на медведя, изрядно потрёпанного и разъярённого. Видимо, тот сам только ушёл от какой-то схватки. Заметив людей, он тут же бросился на них. Убил коня под Лейвом одним ударом, и тот упал, придавив ему ногу. Вторым ударом медведь полоснул его по животу... Мужчины подняли зверя на копьях, но было уже слишком поздно. Они принесли Лейва сюда. Рана была слишком глубокая. Он... Он умер через два дня, и я сразу же отправил за тобой.

– Что? – только и выдавил Ольгир, и Креститель ответил ему страшным взглядом. – Но... но... разве может он так?..

Арн замолчал, утомлённый собственной речью. Ольгир схватился за голову, запустил пальцы в волосы. Он качал головой, расхаживая по залу. Слёз не было, лишь недоумение и испуг. Ольгир всем сердцем любил брата, и тот был ему гораздо ближе отца и почти всегда был вместо отца... Воспоминания, до того трепетно-спокойные, вмиг разбились, разрушились, больно впившись в живую плоть.

Креститель попытался подняться, но был так слаб, что мог упасть, если бы Ольгир вовремя не подхватил его за локти. Отец с нескрываемой злобой посмотрел на него, и Ольгир отпрянул от этого изнеможённого, некогда могучего тела. Арну были противны собственная слабость и зимняя бледность.

– Ольгир, ты один остался у меня, – сказал он, подавляя горечь в горле.

– Пожалуйста, отец, – вспыхнул Ольгир. – Ты же и сам этого не хотел! Я же... Я же не знаю ничего и только ошибаюсь. Я... Отец, ты же ещё проживёшь.

– Полно тебе. Все помирают. И я помру, – Арн собрал всю оставшуюся властность на языке и произнёс: – Ты будешь следующим конунгом Онаскана, государем крещёных и святых земель...

– Но твой брат. Он мог бы, – прервал это Ольгир.

– А что мой брат? Он правит над Ве и одалью за Восходным озером, и ему этого достаточно. Он не тронет тебя и не развяжет междоусобицу, если ты станешь конунгом. И его век скоро подойдёт к концу, а Онаскану нужна крепкая рука, а не сухая кисть старика.

– Отец. – Голос Ольгира дрожал от отчаяния, нахлынувшего на него. – Я не готов, слышишь?! Ты всему учил лишь Лейва. Он должен был стать следующим после тебя. Он всегда был следующим после тебя. Его все знают и... и любят. Он же... он же Лейв!

– Мёртв твой Лейв, – напомнил ему Арн. – Спит вечным сном рядом со своей матерью. И я скоро отправлюсь к ним.

– Ты долго ещё проживёшь.

– Врёшь ты мне.

– Я не вру. Пожалуйста, отец...

Ноги Арна задрожали, и он рухнул обратно в кресло, подавляя кашель. Висевший на подлокотнике золотой венец правителя сорвался и покатился вниз под стол.

– Подними, – сказал он Ольгиру сквозь кашель.

– Он не мой.

– Ещё нет. – Голос Арна Крестителя ожесточился. Вновь стал властным и ледяным. – Покуда ты не образумишься, он будет принадлежать мне. Ну, или покуда я не помру.

Ольгир поднял золотой венец. Он долго держал его в руках, рассматривая своё отражение в отполированном золоте, а после нехотя протянул отцу. Арн никогда не носил венец на голове – золотой обруч всегда висел на подлокотнике кресла. Вот и сейчас Арн Креститель вернул его на место.

– Как же я образумлюсь. – Ольгир вдруг ухмыльнулся. – Я же твой беспутный младший сын. Гуляка, бесчестный лжец и пьяница, живущий как блоха. Ты сам говорил мне всё это. Разве не так?

Арн недовольно сверкнул глазами на сына. Он будто и сам был не рад, что конунгом должен стать Ольгир.

– Ты моего рода, – сухо произнёс он. – Ты от рода моего, рода Крестителя, Ольгир. У тебя моя кровь, а потому моя честь спасёт твою.

– Я не справлюсь.

– Справишься. Ярл Агни знает, что я хотел сделать наперёд. Он научит тебя. Он не поднимет мятеж и будет готов стать твоей правой рукой и опорой, пока ты не научишься.

Ольгир хмыкнул. Заулыбался.

– Ты говоришь, ярл Агни?

– Ты не ослышался. Не надо меня переспрашивать.

Ольгир хохотнул, тряхнув золотыми кудрями.

– Я напал на город свеев. Я убил не тех людей и не в то время. В конце концов, я всегда был лишь тенью могучего и мудрого Лейва. И пылью под ногами великого Арна Крестителя, принёсшего новую веру в эти земли, пылью под ногами деда – Торвальда Землевладельца, что основал Онаскан и начал изгнание суми. Я всегда был грязным пятном на чести нашей семьи.

Арн посмотрел на сына с упрёком.

– Знаешь, кто это сказал?

– Уж явно не ты. Ты бы так красиво слова не составил, – прокряхтел Креститель. – Но знать я не хочу того, кто произнёс это.

– А я всё равно скажу, отец. – Улыбка Ольгира была полна гнева. – Это сказал твой ярл Агни. Он ненавидит меня и убьёт при первой же возможности, уж поверь.

– Я не верю тебе.

– Потому что я бесчестный лжец?

– Замолкни, – проскрипел старик.

– Да полно тебе. Будто ты не согласен с его словами. Я всегда знал, какого ты мнения обо мне.

– Ты был способным мальчиком и юношей, пока не...

– Что же? – Ольгир сощурил глаза.

– Пока ты не переменялся. Смерть матери худо отразилась на тебе.

– Она меня уважала и держала в чести в отличие от тебя.

– Оставь ты эти разговоры! – Арн рассвирепел. – Не тебе меня упрекать. Я не о том говорил всё это время. Ты должен быть холоден, скуп, мудр и жесток. Я вижу перед собой лишь мальчишку, развлекающегося с рабынями. Совершенно не думающего о последствиях своих поступков! В твои годы я уже изгнал всех колдунов из этих богомерзких земель!

Ольгир опустил глаза, пусть не было в нём ни капли сожаления или стыда. Недолго Арн, потерявший первенца, притворялся, будто его младший сын станет достойной заменой Лейву.

– У тебя нет даже жены, что направила бы тебя или хотя бы научила счёту. Лишь огромное количество рабынь, за которых ты платишь моими же деньгами. Женись скорее, а потом уж буду говорить с тобой как с равным! А то всё ведёшь себя как мальчишка.

– Будто жена что-то изменит, – буркнул Ольгир.

– У этого дома хотя бы появится хозяйка. – Арн махнул рукой, указывая на залу. – Да и мне, старику, спокойнее будет, что род мой не увянет. Уж я найду тебе невесту!

– Я справлюсь сам.

– Ты-то?

Ольгир отвернулся, закатив глаза. Отец повторялся. Кажется, все эти речи и угрозы конунг уже произносил прежде. Можно было привыкнуть...

Цокнув языком, Ольгир достал из-за пазухи мешочек, в котором лежали волосы Белой Гривы, и приподнял над головой.

– Позволь мне перебить тебя, отец. Я принёс тебе кое-что.

Арн недовольно скривил лицо.

– Я не... я не смог убить Белую Гриву, но вот тебе подтверждение того, что я нашёл его.

Ольгир подошёл к столу и положил на его поверхность мешочек. Арн недоверчиво нахмурил брови, но протянул руку к мешочку. Поднёс ближе к лицу, развязал узел и запустил пальцы внутрь. Из горловины Арн выудил прядку жёстких конских волос, чёрных как уголь. На лице его отразилось недоумение. Он поднял глаза на сына, но тот выглядел не менее опешившим. Старик сухо хмыкнул.

– Это какая-то шутка?

– Нет. Я... Клянусь, это волосы Белой Гривы. Я срезал их. Правда!

Ольгир почувствовал себя оправдывающимся ребёнком. Правда была на его стороне, но всё остальное было против.

– Убирайся вон, – медленно процедил Креститель.

– Отец...

– Убирайся!

Ольгир вспыхнул. Он хотел наругать в ответ, но был так возмущён, что не смог подобрать нужных слов. Сейчас он мог бы только ударить. Ольгир смерил Арна ледяным взглядом и направился к выходу. Дверь была приоткрыта, и Ольгир с досадой понял, что этот разговор, кажется, слышали и стражники, и притаившиеся по углам слуги. Он обернулся и произнёс негромко, но так, чтобы отец его услышал:

– Вот бы мне снова обратиться восвояси, да только не возвращаться. Не видеть бы мне тебя и не слышать твоих песен о нашем... славном роде.

Арн замахнулся, точно хотел бросить в сына бесполезный мешок, но кинул его себе под ноги. Ольгир отвернулся, дверь за ним громко скрипнула.

Даже не переодевшись, Ольгир побрёл прочь. Он вышел за стены города, провожаемый недоумёнными взглядами стражи. Он хотел было свернуть налево, обогнуть Онаскан и пойти по мшистой дороге к курганам, чтобы навестить свежую могилу брата, но не смог. Ноги безжалостно понесли его к морю.

Онаскан стоял на месте, где широкая река Полотняная впадала в залив. Здесь несколько десятков лет назад дед Ольгира, ярл Торвальд Землевладелец, со своим войском в четыре сотни человек впервые причалил на ладьях к берегу. Он ушёл прочь с гётских земель, недовольный конунгом свеев Олафом. На новых владениях Торвальд и сам провозгласил себя конунгом, когда в подчинении его оказалось достаточно городов и знатных родов. После сын его, Арн, крестил земли, а сам женился на восточной принцессе, тем самым приумножив число своих союзников. Та подарила ему первенца, настоящего великана. Лейв был таким большим, что хрупкая принцесса оказалась истощена после родов и вскоре умерла. Вторую жену Арн нашёл себе сразу по окончании траура. Ей стала двоюродная сестра конунга Анунда – Сага. Дети её погибали один за другим, пока на свет не появился слабый мальчик, которому она успела дать имя прежде, чем он бы погиб. Сага назвала его Ольгиром, именем руны, чтобы дать защиту и благословение богов, и мальчик действительно выжил. Он был слабым и мелким, особенно в сравнении с братом-великаном. Часто болел, и Арну казалось, что сын вот-вот погибнет от какой-нибудь хвори.

– И лучше бы я правда сдох, – злобно процедил Ольгир.

Он пришёл к заливу на высокий каменистый берег, поросший мхом и тонкой травой. Здесь он часто проводил своё время, когда нужно было собраться с мыслями или, напротив, избавиться от них. Отсюда Онаскан казался таким маленьким и незначительным, что Ольгиру удавалось забыть о его существовании. Зато лес тут стоял не так далеко – сразу за спуском холма. Кажется, в этом лесу Ольгир впервые охотился вместе с Лейвом.

Он вздохнул и сел на самый край, бесстрашно свесив ноги. А там, внизу, шипели и пенились морские волны, стучаясь о мраморные скалы и перекатывая мелкую гальку. Обычно поле ладей было спокойным, но поднявшийся утром ветер пробудил воду, не дал ей уснуть. По правую руку загорался жёлтым закат – небесное полмя стремилось к горизонту.

Ольгир услышал приближающиеся шаги, но оборачиваться не стал. Он знал, кто это мог быть, а потому остался спокоен.

– Только не говори мне, что ты тоже всё это слышал, – пробурчал Ольгир и откинулся на траву – так было видно пришедшего.

Ситрик нерешительно приближался к краю, по большому кругу обходя обрыв. Ольгир следил за ним с усмешкой, болтая ногами в пустоте.

– Боюсь, твой отец так орал, что его слышал весь Онаскан, – произнёс Ситрик и наконец устроился неподалёку от Ольгира.

Тот смачно выругался.

– Да, это досадно, – согласился Ситрик. – Смотри, я принёс тебе кое-что. Мёд остался с тризны.

Ситрик вытащил из сумки большой свёрток с копчёным мясом и фляжку, дурманяще пахнущую крепким мёдом. Ольгир набросился на еду с таким остервенением, будто не видел пищи с того самого момента, как отец прогнал его прочь. Ел он молча, и Ситрик безмолвно сидел рядом, посматривая то на воду, то на закатное небо.

– Ты был там? – наконец спросил Ольгир, и Ситрик сразу же догадался, о чём он.

– Конечно. Куда же я денусь от епископа.

– А что отец?

– Он не пришёл на проводы.

– Правда?

– Да. У него случился сильный приступ кашля из-за переживаний, так что он задыхался, а когда кашель удалось унять травами, уснул. Хотя я бы сказал, что он скорее потерял сознание. Боюсь, недолго ему осталось, – вздохнул Ситрик.

– Я честно не знаю, чего я хочу больше, – произнёс Ольгир, дожёвывая последний кусок. – Чтобы он уже сдох наконец и я его больше никогда не видел или же чтобы он жил вечно.

– Ты думал бы иначе, будь сейчас с нами твой брат, – грустно заключил Ситрик.

– Этот человек уж точно не заслужил такой смерти.

Они замолчали, и тишина была долгой. Ситрик запустил руку в сумку и выудил оттуда восковую дощечку и иглу. Начал что-то царапать на ней, будто бы рисуя или записывая, но Ольгиру то было совершенно не интересно. Он равнодушно посмотрел на тонкие пальцы друга и прикрыл глаза. От накопившейся усталости, ярости и мёда его потянуло в сон. Присутствие Ситрика ненадолго вернуло ему уже, казалось бы, позабытое ощущение спокойствия и упорядоченности.

Хороши они были в глазах других, когда появлялись вместе, – служащий епископа и первый на весь город словоохотливый весельчак и пьяница! Знакомые с детства плут и аколут. Ситрику тогда было не больше десяти лет, а Ольгиру, который уже успел прославиться своим буйным нравом, – пятнадцать. Ситрик рос среди хольдов и сам должен был стать воином по наставлению отца, прежнего воеводы, но судьба распорядилась иначе. Его заметил епископ, отметив острый ум мальчика и умение изображать. Епископ обучил мальчишку письму и чтению, показал книги, и Ситрик, увидев их, загорелся настоящей страстью. С тех пор он стал служащим и в скором времени хотел принять постриг, чтобы посвятить свою жизнь если не Богу, но точно рисованию и письму на пергаментных страницах.

Они были полной противоположностью друг друга, но случайное знакомство легко переросло в дружбу.

Ситрик был не столь красив, как Ольгир, но черты лица имел правильные. Кожа у него была бледная, с лёгким румянцем. Глаза – серые, невзрачные, впитывающие цвета окружающей его действительности. Ситрик будто подстраивался подо всё, что видел. Вот и сейчас глаза его пожелтели и позеленели в лучах закатного солнца. Русые волосы с серым оттенком, аккуратно стриженные, тёмная одежда, не всегда опрятная, сутулая спина – он казался незаметным на фоне Ольгира, пусть и был выше его на целую голову. Ольгир как-то в шутку назвал приятеля Ситкой, сказав, что до Ситрика ему ещё расти и расти. С тех пор прозвище прижилось, и многие стали так называть ученика епископа.

– Ситка, – вдруг окликнул Ольгир, и тот поднял голову. – Скажи, что мне делать?

Ситрик покачал головой.

– Что хочет от тебя отец?

Ольгир нехорошо хохотнул и открыл глаза. Закат сгорал, и со стороны востока напозлали голубые звёздные сумерки.

– Он хочет, чтобы я заменил ему Лейва. Чтобы я стал конунгом после него самого. Вот только я этого не хочу. Я не Лейв, и конунг из меня будет никудышный. – Ольгир потёр веки. – А ещё ему надобно, чтобы я непременно женился.

– Что же, – Ситка хмыкнул. – Женитьба звучит вполне себе осуществимо.

Ольгир рассмеялся и посмотрел на друга.

– Может, есть кто на примете? – спросил Ситрик.

– Ох и ох, Ситка! И с каких это пор тебя заинтересовали дела любовные, а?

Ситрик зарделся и мотнул головой, спрятав глаза за волосами, но после медленно моргнул и поднял на Ольгира посерьёзневший взгляд.

– Не думаю, что это любовные дела, – тихо произнёс он. – Наверное, тебе придётся найти себе жену из тех, кого предложит сам конунг сразу после траура по Лейву.

– Тут ты прав, – холодно согласился Ольгир. – Правда, хочется назло старику выбрать себе в жёны одну из наложниц. То-то у него лицо будет. Я бы посмотрел. Хотя... Он, наверное, сразу же помрёт от злости, а мне это не на руку.

Они снова приумолкли. Ситрик продолжал рисовать в потёмках, уткнувшись подслеповатыми глазами в самую дощечку и склонившись над ней в три погибели, точно вшей искал. Мёд из головы уже почти что полностью выветрился.

– На днях, пока был на охоте, встретил тут одну. – Голос Ольгира был серьёзен как никогда. – Она из свободных, не рабыня. У отца её большая одаль с ясеневым лесом и переправа. Дом у них большой, хоть и старый.

– Кто же она?

Ольгир облизал губы.

– Принцесса троллей, не иначе.

– Она сейдкона? Вэльва?

– Мне кажется, да. По крайней мере, она сказала, что проклянёт меня и убьёт, если я ещё раз хоть пальцем её трону. Ты бы видел её дикий взгляд в этот момент.

– Что же, тебе оказалась по нраву та женщина, что хочет тебя убить?

– Троллье дерьмо! Да!

– Печально, – заключил Ситка.

– Мне надо поговорить с её отцом. Думаю, он согласится отдать свою дочь за меня. Ещё бы не согласился.

– Попробуй. – Ситрик пожал плечами и снова склонился над рисунком и записями.

Ольгир не стерпел, поднялся и шлёпнул его по затылку.

– Хватит глаза портить. И так ничего не видишь.

– Владыка асов отдал глаз за мудрость, я же готов пожертвовать двумя.

– От кого это я слышу, а, Ситка? Не пристало поминать асов аколуту епископа. Кончай записывать, нам пора возвращаться в город.

Ситрик потупился и покорно собрал в сумку свои вещи. Они поднялись, отряхнулись, и Ольгир, последний раз взглянув на мелкие морские волны и сплюнув вниз, направился к Онаскану. Ситрик последовал за ним.

– Я... я хотел сказать тебе кое-что, – нерешительно начал он после продолжительного молчания. Всё это время он будто бы собирался с мыслями и храбрился.

– Что же?

– Я собираюсь принять постриг и отплыть в монастырь вскорости, чтобы начать работу над книгами. Епископ посоветовал меня как хорошего рисовальщика, а я не мог отказаться, ты же знаешь. Их рисовальщик умер от старости, и пока никого не смогли найти на замену, кроме меня.

Ольгир нахмурился.

– Остался бы со мной, Ситка. Раз уж мне суждено быть конунгом, ты мог бы стать моим советником. Я доверяю тебе, как никому больше. У тебя есть голова на плечах, вон даже писать умеешь. На что тебе рисунки?

Ситрик шёл, опустив взгляд в землю. Ему было тяжело смотреть на друга в этот момент.

– Остайся, – чуть более властно произнёс Ольгир.

– Я... подумаю.

– Вот и хорошо.

Ещё свежи были воспоминания о страхах, живущих в тёмном еловом лесу, а потому Ольгир подробно расспросил местных о том, как обойти стороной эту проклятую чащобу и выйти к переправе или хотя бы к броду простым путём. Оказалось, что ежели скакать на лошадях не через ельник, а сквозь ясеневую рощицу, что ближе к морю, то можно быстро отыскать пороги, где Тёплая мелела настолько, что даже козы и овцы не боялись зайти в воду. Пусть и частенько Ольгир бывал в лесу, но почему-то на переправу наткнулся в тот раз впервые. Если бы не Белая Грива, то вряд ли бы он вышел к ней.

С Ольгиром отправились верные хускарлы – Кнуд Рыжебородый и его младший брат Вигго. Ольгир приказал им нарядиться в лучшую одежду, что была у них, да перевязаться серебряными поясами. Сам же надел свой лучший кроваво-алый кафтан, расшитый голубым блестящим шёлком и серебряной нитью. На шее его висели золотые кресты, похожие на молоты, на пальцах сверкали перстни. Светлые локоны он примял шапкой с лисьей оторочкой.

– Ты так вырядился, будто свататься собрался, – не стерпел и сказал Ситрик, пока Ольгир устраивался в седле.

Сын конунга, будучи в дурном расположении духа, рассмеялся.

Вышли они чуть позже рассвета, почти не отоспавшись за короткую сумеречную ночь. Ветер к утру пригнал густые серебристые облака, так что день немногим отличался от белой ночи.

Во время поездки Ольгиру удалось отдохнуть. Он любил быструю езду и дорогую одежду, мягкую и приятную к телу. Он подгонял своего коня, Сола, а тот и рад был помчаться вперёд так, что шапку приходилось прижимать к голове, чтобы не потерялась. Кнуд и Вигго отставали, но не теряли Ольгира из виду: светло-серая шкура Сола и яркий плащ его хозяина были видны в лесу издалека.

День уж был в самом разгаре. Наконец показались частокол и переправа, скрытые до этого за пологим холмом. Ольгир напряжённо осматривался, отыскивая глазами Ингрид или её отца, но никого не было видно. Неспешно съехав вниз ко двору, Ольгир остановил Сола, привстал в седле, пытаясь заглянуть через частокол, но снова никого не заметил.

– Что ж. Будем дожидаться? – спросил Кнуд.

– Будем, – ответил Ольгир и спешился. Братья последовали его примеру.

Ольгир подвёл Сола к воде, чтобы конь напился, да и сам, стащив башмаки, по колено зашёл в реку. Гладь её была пугающе тёмной, будто кучевые облака вовсе не отражались в ней. Ольгир зачерпнул воду пригоршней, умылся, и тут его коротко окликнул Вигго, указывая в сторону леса. Ольгир поскорее вышел на берег, поймав Сола за узду, обулся, но, как показалось ему, в намокших по краю штанах он уже растерял большую часть своей важности. Ингрид и её отец вернулись раньше, чем он ожидал.

Ольгир запрыгнул в седло и подъехал к Кнуду и Вигго. Те встали по обе стороны от него. Вышедшие из леса Хаук и Ингрид замерли, заметив у своего жилища богато одетых конников при оружии.

– Здравствуйте! – громко крикнул Ольгир. – Мы пришли к вам с миром.

Ингрид, узнав голос, шагнула за спину отца, но Ольгир не обратил на то внимания. В этот раз волосы её были заплетены в две рыхлые длинные косы, каждая из которых была перевязана

тонкой голубой лентой. Пряди, выпавшие из кос, частью скрывали лицо Ингрид, и Ольгир мог рассмотреть лишь внимательный взгляд холодных и дерзких глаз.

По отцу Ингрид трудно было догадаться, что именно он породил её. Хаук был настолько худым и бледным, что тело его казалось бессильным, но внешняя слабость эта была обманчива. Ростом он лишь немного превосходил дочь, на голове редким пушком светлели волосы, обнажая лысину, а длинная двурогая борода свисала до середины груди.

«Верно, в красавицу мать уродилась Ингрид, – подумал Ольгир, – раз так мало общего было меж ней и отцом».

– Здравствуйте и вы, – осторожно ответил Хаук. Голос его был густым и глубоким, как туман в овраге. – Кем будете?

– Я Ольгир, – охотно представился сын конунга и выехал вперёд, почти поравнявшись с Ингрид и её отцом. Она ещё на краткий шаг отступила назад.

– Сын Арна Крестителя, – догадался старик и почтительно кивнул мужчине. – Я Хаук Сказитель. А это моя дочь Ингрид.

– Твоё имя кажется мне знакомым, если я не путаю тебя с другим Хауком Сказителем. Да и с твоей дочерью мы знакомы. – Ольгир ухмыльнулся.

Хаук удивлённо изогнул кустистые брови.

– Правда? – Он повернулся к дочери. – Она мне ничего не сказала о тебе.

Ингрид нахмурилась и потупила взгляд. Подбородок она продолжала держать высоко, пусть опущенные глаза её были сокрыты тенью густых ресниц.

– Видно, хотела оставить нашу встречу в тайне. – Ольгир улыбнулся шире. – Позволь также представить тебе моих верных спутников. Это Кнуд Рыжебородый и его брат Вигго.

Хаук кивнул и им.

– Дозволь пригласить тебя, Ольгир, и хускарлов твоих в моё скромное жилище. Правда, мы не были готовы к визиту столь почтенных гостей, а потому ничем свежим не смогу угостить тебя. Разве что есть у меня пара бочонков душистого пива.

– И того будет достаточно. – Ольгир спешился и пошёл за Хауком. Кнуд и Вигго последовали за ним.

Старик пропустил их первыми в небольшой двор, показал, куда поставить лошадей, и встал на пороге, как бы приглашая заглянуть в дом. Ольгир огляделся. Двор был аккуратным, убраным, да и сам дом выглядел добротным, лишь крыша, поросшая кое-где сорной травой, пестрела заплатками в нескольких местах. Входную дверь и перекладину над ней украшала замысловатая резьба.

– Ингрид, налей лошадям воду, – приказал Хаук, и дочь охотно взялась за вёдра, лишь бы не оказываться с Ольгиром под одной крышей.

Мужчины прошли в дом, и Ольгир ненадолго задержался на входе, рассматривая замешкавшуюся у корыта Ингрид. Она подняла глаза, и их взгляды встретились. Ольгир довольно прищурился, как сытый зверь, Ингрид же смотрела на него с холодной ненавистью. Она догадывалась, с чем он пожаловал, но ни одним движением не выдавала своего волнения и заинтересованности в происходящем. Ольгир скрылся в тени дома, прикрыв за собой дверь, и тогда только Ингрид выдохнула. Пока никто не видел, она осторожно протянула руку к Солу, пытаясь погладить его нос, но конь отвернулся, не найдя в протянутой ладони угощения. Пусть и был он светлым, как Белая Грива, но вёл себя как обычная лошадка. Ингрид разочарованно отступила и снова подхватила вёдра.

Изнутри дом тоже не выглядел бедным. Ольгир догадался, что прежде тут жила большая знатная семья, и спросил о том хозяина. Хаук, усадив гостей за стол, охотно принялся рассказывать о своей судьбе. Слушать голос его было одно удовольствие.

– Что правда, то правда. – Хаук грустно улыбнулся. – Дом этот построили мы с моим братом и отцом. С тех пор жили тут вдвядтером. Мои родители-старики, я с женой, наши

дети и мой брат с женой. Бездетные. Родители мои, несложно догадаться, давно уж умерли от старости, и отец нам с братом завещал эту переправу. Было это ещё в те времена, когда сумь не боялась выходить из леса к реке и грабила расположенные неподалёку поселения. Это сейчас тут тихо и покойно, а тогда отец твой, сам Арн Креститель, присылал сюда небольшие отряды воев. Бывало, в опасные сезоны и они у нас жили, так как переправа важная была. Ещё один дозор всегда стоял на порогах, кажется, там до сих пор сохранилось основание сторожки, пусть домишко-то уже давным-давно раскатали по брёвнышку люди из соседнего села. Так что пусто в этом доме никогда не было.

Хаук достал ячменное пиво, ржаные лепёшки и сушёную рыбу. Угостил скромной пищей знатных гостей и продолжил:

– Мы с моим братом примерно тогда же ходили в поход. Вроде вёл его тогда теперешний воевода конунга – ярл Агни. Мы добрались до самого Великого моря, до края света, как мне тогда казалось. Оттуда мы с братом привезли много сокровищ, которыми после украсили дом и одежду, но самое большое сокровище привёз я. Свою жену. Самую красивую из арабок, что я когда-либо видел. Её глаза были черны, как зимняя ночь, волосы, что она так настойчиво прятала, были похожи на тёмную текучую реку, а кожа пахла розами и апельсинами. Она была взята в плен, как дочь какого-то важного господина, за которую был обещан выкуп, но позже оказалось, что она всего лишь служанка. Мореходы хотели обесчестить её и выбросить за борт, но я заступился за неё, потому что влюбился, как мальчишка, с первого же взгляда. Не знаю, почему меня тогда послушали и девушку оставили в покое – может, нас обоих спасла честь и слава моего отца, верного друга конунга Торвальда. Но я пообещал тогда, что она не станет лишним ртом, так как я буду в походе делиться с ней своей едой, а сама она станет трудиться с мужчинами наравне. Она и правда оказалась полезной нам. Не отказывалась от общей работы, штопала нашу одежду, приносила фрукты и никогда не перечила. Я ревностно сторожил её честь, но вскоре мужчины, отыскав себе плотские утехы в городах Великого моря, перестали обижать её.

Хаук приутомл. Он сидел на скамье, слегка трясясь, будто его тело вспомнило морскую качку. А в ушах, верно, шумела морская вода, плескаясь и выбрасывая на берега памяти воспоминания. Ольгир слушал Хаука внимательно, с почтением. Когда-то он слышал о Сказителе краем уха, но не знал, что тот обосновался на переправе не так далеко от Онаскана. Хаука приглашали на пиры и тинги, и тот являлся на них один, без семьи, но в руках его, как грудной ребёнок, всегда были чудные расписные гусли суми – кантеле. Редко баял он, как обычные скальды, не рассказывал саг, а всего чаще пел свои и чужие слова, и песни его были просты, но необычны. Знал он тексты и на чужих языках, и люди дивились, внимая ему. Много кто приходил послушать иноземные песни о Великом море, пока однажды Хаук не перестал появляться на людях, и на то, как оказалось, были причины.

– Я привёз её сюда, на переправу, и вскоре мы женились. Я обучил её нашей речи, и она охотно запоминала все слова, какие я ей говорил. Она быстро освоилась тут, научилась тепло одеваться, носить нашу одежду. Единственное, по чём скучала, так это по апельсинам и лимонам, какие выращивали целыми садами на её родине, а вместо роз я приносил ей колючий шиповник. – Хаук отпил из своей кружки, смачивая пересохшее горло, и продолжил: – Она подарила мне троих детей, Магнуса, Ингвара и Ингрид. Все трое смуглы и темноволосы, как она. Когда Магнусу исполнилось шестнадцать, он ушёл из дома, утащив за собой младшего Ингвара, и больше я не видел их, хотя Магнус, как мой старший сын, мог бы рассчитывать на эти земли. Но они ушли, и, наверное, то было к лучшему. Той же зимой вся наша семья заболела сильно. Моя жена умерла от хвори первой, а за ней к предкам отправились мой брат и его жена. Каким-то чудом лишь мы с Ингрид остались на ногах и не подхватили заразу. Так всего-то за один год это жилище опустело. Превратилось в прибежище сестры Ёрмунгарда и Волка.

Взгляд Хаука Сказителя стал отрешённым, и Ольгир, покачав головой, пригубил свое пиво. Кнуд и Вигго молча сидели рядом, посматривая на хозяина.

– Вот почему ты перестал появляться на пирах, – наконец произнёс Кнуд, и Хаук кивнул.

– То минувшие дни. – Хаук наконец пристально всмотрелся в своих гостей. Грусть в глазах его быстро растаяла. – А что было днями прошлого, теперь сага для настоящего. Поведайте и вы, что ли, с чем пришли. Неужто Агни соскучился по музыке кантеле и звуку моего голоса, что послал за мной? За десяток лет неужто никто не смог меня переиграть и перепеть?

Хаук мелко рассмеялся.

– Есть у нас певцы и получше твоего, – с вызовом произнёс Ольгир. – Жаль только, никто из них не был в Великом море. Пусть они и соревнуются друг с другом в мастерстве сложения песен, но никто из них не сможет рассказать про вкус апельсинов. Разве что про чернику в землях Альдейгьюборга и кровавые ягоды под Стикластадире.

Сказитель с довольным видом отпил из кружки, счастливый оттого, что до сих пор помнит о нём в Онаскане.

– Нет, не с тем я пожаловал к тебе в гости, Хаук Сказитель. Я упомянул раньше, что мы знакомы с твоей дочерью, так вот за ней я пришёл.

Хаук нахмурился.

– Как же это, за ней? – не понял он.

– Я хочу взять твою дочь в жёны и хотел просить у тебя на то разрешения. – Лицо Ольгира стало серьёзным. – Я принёс тебе богатые дары, и ты мог бы выбрать из них то, что тебе по душе, или забрать все, если отдашь за меня свою дочь. Я сын конунга и могу обещать, что со мной она будет жить в достатке, тепле и сытости. Ей больше не придётся тяжело работать на переправе и бояться зимы, и я смогу дать ей лучшую одежду и украшения, какие только она сможет пожелать.

Хозяин дома цокнул языком. Тряхнул бородой – вмиг растряс остатки пивного дурмана в голове.

– Как бы ни не хотел я отпускать своё единственное дитя, думаю, что мог бы отдать за тебя Ингрид, – наконец произнёс он медленно, соображая на ходу.

– Мог бы?

– Мог бы. Однако сначала хочу спросить, что по этому поводу думает сама Ингрид.

Ольгир опешил.

– Я сказал уже, что, как сын конунга, обеспечу её, – твёрдо произнёс он. – Тебе не стоит за неё беспокоиться.

– Ингрид – моё единственное дитя, так что она составляет всё моё беспокойство на этом свете. Мне не о чем больше волноваться. – Хаук поднялся из-за стола. – Обождите здесь, пока я позову её и спрошу.

Он ушёл, оставив Ольгира наедине с хускарлами. Тот опустил голову, подперев её руками.

– Чудной старик, – произнёс Вигго.

– Не то слово, – согласился с ним Ольгир. Он снял золотой перстень и принялся тревожно крутить его в пальцах и катать по столу. Затея начала казаться ему провальной. И что только скажет отец?

Хаук вернулся, за ним в дом вошла Ингрид. Рукава её платья были закатаны, обнажая сильные руки, две косы – связаны в узлы за спиной, чтобы не мешали работе. Пальцы её были грязны, а лицо перепачкано, но это не делало Ингрид некрасивой. Напротив, она казалась Ольгиру лишь более желанной.

– Скажи ей, зачем ты пришёл. – Сказитель сел, а дочь его осталась стоять, возвышаясь над всеми ними, как великанша.

Ольгир пристально рассматривал её лицо, не торопясь с вопросом. Ингрид подняла на него глаза, и снова от её взгляда по телу его пробежал холодок вперемешку с жаром. Как никто во всём свете, она напоминала ему покойную мать, столь же гордую и непокорную, что молилась своим богам до самой смерти и не страшилась воспротивиться конунгу. И правда, тролля принцесса, владычица над рекой и над лесом.

– Я пришёл просить твоей руки, – наконец произнёс он, с трудом разлепив губы. – Хочу, чтобы ты стала моей женой.

– Я сказал ему, что был бы не против, чтобы ты стала женой сына конунга, – негромко пояснил Хаук. – Но твоё слово должно быть выше моего.

– Женой сына конунга? – переспросила Ингрид, будто до сих пор не понимала, кто перед ней.

Ольгир кивнул.

– Нет, – громко сказала она. – Я не пойду за тебя, Ольгир, сын конунга. Никогда в жизни. Я уже сказала, что станет с тобой, если ты хоть пальцем вновь тронешь меня!

Она произнесла это и вышла из дому, оставив мужчин. Хаук покачал головой и перевёл взгляд на дорогих гостей. Перстень в руках Ольгира согнулся пополам от того, как сильно тот сжал золото.

– Что же, – наконец изрёк Сказитель. – В таком случае могу лишь предложить ещё пива.

– Нет, нам пора ехать, – отказался Ольгир, с невероятным усилием сдерживая клокочущую внутри обиду и ярость. Изо всех сил держался он, чтобы не ударить старика.

– Мудрое решение, – согласился Хаук. – С пьяной головой тяжко усидеть на коне. Тогда, пожалуй, я пойду вновь открою ворота, чтобы вам, господа, было проще выехать со двора.

Спустя несколько дней и ночей малокровные тонкие облака разогнало солнце, но недолго правило оно на небе. С захода пришли могучие грозовые тучи. Весь день небо грохотало на разные голоса раскатами грома, вспышки озаряли небосвод, но никак не могло разродиться шумным дождём.

Ингрид с предвкушением посматривала на небо и всё ждала, когда уж вода обрушится стеной. Вместе с отцом они перевернули лодки, снесли уже всю утварь со двора в дом и теперь посматривали из-под крыши и переглядывались. Давненько не было хорошей грозы да доброго всеочищающего ливня – начало лета выдалось тихим и несмелым.

Еда была уже сготовлена, одежда выстирана, и, чтобы занять руки, Ингрид достала липовый брусочек и принялась строгать из него. В доме оказалось темно заниматься этим, и Ингрид уселась на пороге. Хотела себе вырезать новую ложку, но, когда из дома послышался звук отцовского кантеле, Ингрид и сама не заметила, как руки будто по собственной воле начали вырезать образ, похожий на человекозверя. Хаук не пел, только тихо мурлыкал под нос, перебирая струны. За него пели раскаты грома.

Молния ударила совсем близко, и Ингрид от неожиданности полоснула по пальцу ножичком. Капли крови упали на порог, и в тот же миг тучи разорвало дождём. Ингрид охнула. Где-то в лесу, не так далеко, застонали деревья, и ствол одного из них рухнул наземь с невообразимым треском. Хаук поднял голову, услышав это. Его пальцы скользнули по струнам, заставив их издать похожий звук.

– Только посмотри, как льёт! – восторженно произнесла Ингрид и жестом подозвала отца.

Хаук отложил кантеле и подошёл к дочери, прислонившись к дверному проёму. За частоколом, казалось, не было ничего – всё скрыла сплошная стена остервенелого дождя. Земля во дворе тут же взбурлилась, вспенилась и скоро разошлась лужами. Косой росчерк молнии разделил небо на две равные половины – на этот раз гроза ударила рядом с Онасканом или над заливом. Они смотрели, заворожённые, на то, как разбегались по небу яркие всполохи, а оно всё темнело и темнело. Близился вечер.

– Интересно, будет лить всю ночь? – Хаук почесал бороду, ушёл в дом и вернулся с кружками пахучего травяного отвара.

– Нет. Скоро закончится, – уверенно произнесла Ингрид.

Она отказалась от отвара и продолжила вырезать. С одной сторонки у брусочка уже появилось человеческое лицо с широкой страшной улыбкой, а с другой лишь прорезался облик зверя, не то волчий, не то змеиный. Ингрид хотела было добавить звериному оскалу мелких зубов, да мастерства не хватало.

– Что же это такое ты вырезаешь? – Хаук заинтересованно склонился над плечом дочери, и Ингрид охотно показала ему резьбу, покрутив разными сторонами. – Это надо ж! Перевертыша придумала.

На губах Ингрид показалась едва заметная улыбка.

– Вот дед твой вырезал узоры на этой двери. – Хаук коснулся шершавой рукой резьбы на дереве, погладил ласково изображённого на ней змея, как домашнего кота. – Я же так и не смог научиться, но, видимо, не стоило мне грустить об этом, так как его талант достался тебе.

Он отпил из кружки, обжёгся и отставил пока отвар.

– Ты смотришь на мир его глазами. Ясными и бесстрастными. А потому подмечаешь в нём каждую мелочь.

Ингрид кинула быстрый взгляд на отца. Хаука на краткий миг бросило из жара в холод от её взора, и он закивал, довольный.

– Да-да! Этими самыми глазами. Точно как у твоего деда! – Он снова кивнул. – Взгляд у него был такой же: грозный, холодный, гордый. Но в то же время мудрый. Всё обо всех отец мой знал наперёд, точно сейды были ему знакомы, но был он обычным человеком, как и мы с тобой.

Ингрид опустила ресницы.

– Скажи-ка, дочь, что ты не пошла за Ольгира? Он не обманывал, будто осыплет тебя серебром и золотом. Скажи, увидела в нём что-то недоброе?

Ингрид вздохнула и отложила нож. Она совершенно не понимала, как рассказать отцу о том, что произошло на переправе. Ей было стыдно и страшно, будто в том была её вина.

– Он... – Она помедлила, взвешивая все слова, что приходили на ум, в попытке отыскать нужные. – Он нехороший человек.

– Вот как. Это ты поняла, когда познакомилась с ним тогда?

– Да.

– Я верю тебе, – изрёк Хаук. – Все мы нехорошие люди, просто кто-то может это побороть, дабы не навредить ближнему, или хотя бы спрятать, чтобы на глаза не попадалось, а кто-то – нет.

Плечи Ингрид дрогнули.

– Не думаю, что он опасен для нас. Твой отказ видели лишь его преданные псы, а потому он не захочет возвращаться сюда, чтобы не бередить рану на своём самолюбии. Забудет про нас и отстанет. Я бы предпочёл забыть.

– Я бы не забыла такое, – прошептала Ингрид, но Хаук её уже не слышал. Он ушёл в глубь дома, шумно отпивая горячий отвар. – Я бы отомстила.

Ливень закончился скоро, как и предрекала Ингрид. Она обернулась, чтобы сообщить о том отцу, но он уснул. Ингрид смолчала.

Показался край чистого, умытого неба, блеснуло солнце, и туча против его света окрасилась густой чёрной краской. Грозы ещё громыхали, и Ингрид с упоительной дрожью во всём теле слушала их, переплетая косы лентой. Наконец она выскочила из дому, тихонько прикрыв дверь. Вырезанного перевёртыша Ингрид взяла с собой.

Её босые ступни утопали в сырой траве. Она ёжилась от холодка, но ощущение это было приятным. Взобравшись на холм, она сбежала с него, и ноги несло всё дальше и дальше от дома, от частокола. Река бежала вместе с ней по левую руку. Но вскоре их пути разошлись, и Ингрид свернула на тонкую тропку в лес.

Тот встретил её упоительным запахом сырости и недавней грозы. Под ногами расстился ковёр из мха и черничных листьев. Ягоды ещё были светлые, незрелые, но кое-где уже попадались тёмные и спелые. Ингрид опустилась к земле и принялась собирать их в пригоршню, одну клала в рот, а три складывала в ладонь, и вскоре набралось с горкой. Она улыбнулась, довольная, и пошла дальше по тропе, неся перед собой в сомкнутых ладонях спелые ягоды. Тёмный сок их измазал её пальцы.

Наконец она вышла к Старому месту. По крайней мере, так называл его Хаук. На круглой поляне стояло два покосившихся столба со страшными лицами – что-то похожее как раз и вырезала Ингрид. Вокруг них были разбросаны светлые камни, почти не тронутые мхом, но испещрённые тонкими рунными символами. Ингрид остановилась напротив столбов и высыпала ягоды на камень с выбитым в нём жёлобом. Наверное, прежде здесь лилась жертвенная кровь, но теперь капал сок спелой черники. Ингрид медленно приблизилась к столбам и прошла меж ними.

Откуда ни возьмись налетел холодный ветер, срывая капли дождя с листьев. Ингрид замерла, прислушиваясь к себе. Её нутро охотно отозвалось ветру, будто хотело сорваться и полететь вслед за ним. Ингрид стала промеж столбов и принялась расплетать косы. Лента взвилась прочь за ветром и оплела еловую веточку. Вторая лента полетела за ней следом, но Ингрид поймала её на ветру и обвязала ею один из столбов. Под другой столб она поставила вырезанного перевёртыша.

Ингрид захотелось петь, но она не знала подходящих песен. Как много слов ведал её отец, и как умело складывал он их в причудливые образы, не то что она. Уж он-то сочинил бы на ходу нужную песнь. В голове билась лишь та бессловесная мелодия, похожая на раскаты грома, что он играл, покуда шёл дождь.

– Что бы тебе такого спеть, – прошептала Ингрид, бесстрашно заглядывая в глаза деревянному столбу.

Так и не отыскав нужных слов, она принялась напевать мелодию, слегка пританцовывая. Она закрутилась вокруг своей оси, продолжая расплетать чёрные волосы. Ей было спокойно и легко.

Продолжая напевать, она взобралась на один из камней, тот оказался скользким, но она устояла. Перепрыгнула с одного на другой, с него на третий, проходя полный круг. Вновь заморосил дождь, но лёгкий, слабый. Это было похоже на немощные отголоски того великого ливня, что прошёл ранее. Ингрид остановилась и осмотрелась; кругом неё поднимался туман. Она спустилась с камня и прошла ещё один круг, пританцовывая и гордо взмахивая волосами. Дождь усиливался, выемка с ягодами в камне наполнилась водой. Ингрид улыбнулась, подняла голову и подставила лицо под струи дождя. Ей было трудно открыть глаза – их заливала вода. Веки вздрагивали от попадающих на них капель, и всё тело её дрожало от внутреннего смеха, глухо звенящего, и бодрящего горячего холода.

Вновь прогремела гроза. Её белые тени скользнули над кромкой леса далеко за рекой. Гул грома усиливался. Его раскаты были неблизко и сливались в одну дремучую и дикую музыку,

похожую на шум барабанов. Вот он, бог – бьёт ладонями по серой натянутой земле, а перстни его высекают белые искры небесного пожара.

Ингрид слушала эту музыку, и тело её напитывалось гулом грома – сердце отказывалось биться привычно и часто, замедлялось, и удары его приходились на удары мощных ладоней по земной коже барабана. И тут, точно испытывая её, инструмент бога умолк и перстни перестали сверкать серебром. Сердце, не чувствуя боле поддержки, неуверенно стукнуло в груди раз-другой, а потом разогналось, забилося белкой, но хотелось, чтобы и оно умолкло до тех пор, пока снова не возобновит бог свою игру.

И в этой звучной тишине шуршащего и шепчущегося дождя Ингрид услышала посторонние звуки и, утерев рукавом воду с лица, обернулась. Всё тело её напряглось в ожидании. Она вперила зоркие глаза во мрак, но сумрак и туман никак не хотели выдавать непрошеного гостя. Наконец из темноты показались очертания белого коня, и дух Ингрид радостно взвился.

– Белая Грива, – радостно прошептала она и подалась коню навстречу.

Но стоило сделать несколько шагов, как Ингрид увидела, что лошадь под уздцы вёл невысокий человек и что рогов у коня вовсе не было. Ингрид накрыла с головой тревога. Она юркнула за столб и прижалась к нему, пытаясь стать его тенью.

– Эй, – окликнул знакомый голос. – Можешь не прятаться. Я видел тебя.

Это был Ольгир. Душа у Ингрид ушла в пятки. Она слышала, как он остановился недалеко от круга, привязал к дереву своего коня, и теперь осторожно, почти бесшумно подходил к камням. Остановился, увидев в жёлобе ягоды, нахмурился и, достав из сумы свёрток, положил к чернике ломтик сухого хлеба. Ольгир не знал, верно ли проводит этот обряд, но всем телом и духом ощутил, что этого камни и столбы ждут от него. Несмело и даже пугливо он вошёл в круг.

От Ингрид это не утаилось. Она вышла из тени и вперила взгляд в Ольгира. В тот же миг дом воздуха раскололся пополам от грозы, и белая молния целиком высветила Ингрид, объятую тёмным коконом волос. Она стояла промеж двух истуканов и казалась третьим столбом, если не старым богом, то уж точно могущественным божеством. Ей не были страшны ни ветер, ни дождь, ни пронизывающий холод. В глазах её нарастала, накатывала волной тугая грозовая ярость.

Ольгир замер под её тяжёлым взглядом. Его рука сама собой потянулась к оберегу на шее. В прошлый раз река защитила свою невесту, теперь же на её стороне были старые боги.

– Зачем ты сюда пришёл? – Её ледяной голос был громче раскатов грома.

Ольгир медлил с ответом. Ингрид не могла рассмотреть его лицо, скрытое в тени худа. Отчётливо ей было видно лишь плотно сомкнутые губы, и на них не играла привычная ухмылка.

– Я пришёл к тебе, – наконец ответил Ольгир и приподнял лицо. Их глаза встретились.

– Зачем? – настойчиво повторила Ингрид.

На это Ольгир никак не мог ответить.

Он снова запустил руку в суму, достал ещё один ломтик медового хлеба и положил на следующий камень, на пару шагов приблизившись к Ингрид. Если уж боги не примут его подношение, то хотя бы съедят звери или птицы.

– Убери это, – прорычала Ингрид. – Убери эту отраву.

– Это всего-то хлеб с мёдом, балда, – огрызнулся Ольгир.

– Всё, чего ты касаешься, превращается в яд.

Он фыркнул. Страх перед старыми богами и троллей принцессой потихоньку отступал. Вот он уже видел перед собой обычную девушку, пусть взгляд её не сулил ему ничего хорошего. Ольгир нахмурился. Он обошёл кругом камни, и Ингрид попятилась, когда он прошёл рядом с ней.

– Я помню это место, – негромко произнёс он. – Помню, хотя был несмышлёным ребёнком. Лет двадцать назад мой отец велел разрушить здесь всё. Тогда тут стояло девять столбов. –

Он коснулся носком башмака ближайшей к нему рытвины, поросшей тонкой травой. – Теперь же осталось только два.

Ольгир поднял взгляд на лики старых богов. Худ свалился с его головы, и мокрые волосы рассыпались по плечам. А он того и не заметил, лишь смотрел с каким-то странным тоскливым чувством на столбы. Ингрид незаметно зашла ему за спину, не смея стоять между богами и сыном конунга.

– Отец сам решил прийти сюда, чтобы посмотреть, как обрушат столбы. А мать увязалась за ним следом, да ещё и меня с собой взяла.

Ольгир вспоминал, как хольды отца сваливали столбы и раскалывали, стирая страшные лица с треугольными и круглыми глазами и разинутыми пастями. Он точно вспомнил, как с одного из поваленных великанов он, маленький мальчик, стащил золотой обруч и долго играл с ним, пока мать не отняла. А теперь этот обруч носил с собой его отец, будто сам себя провозгласив богом.

А вот и он. Ольгир узнал страшное лицо с узким и длинным лбом. На нём и сейчас остался выбитый умельцами шрам, на котором прежде покоился золотой обруч. Точно повинаясь давно забытому чувству, Ольгир протянул руку к столбу, коснулся его небольшой ладонью и явственно услышал крик матери.

– Не тронь! – кричала она.

Ольгир встрепенулся, поднял голову и увидел над собой яростное лицо Ингрид.

– Не смей трогать. Не тронь! – повторила она.

Ольгир покачал головой, и дождь охотно подхватил остатки наваждения и обронил на землю. Они стекали мутными каплями по лицу, волосам, одежде и уходили в землю, которая уже насытилась, но продолжала жадно пить влагу впрок. Послушавшись, Ольгир отступил от столба и опустил руку на другой камень – безликий, гладкий.

– Она тоже говорила мне так, – негромко произнёс Ольгир. В его голосе не было прежнего самодовольства.

Он опустился на один из камней и уставился вдаль. Но так он сидел недолго и вновь обратил свой взор на Ингрид.

– Ты так красиво танцевала на этих камнях. – Губы его дрогнули в подобии улыбки. – Настоящая вельва. Может, это и не мужское дело, но я тоже хотел бы научиться.

– Зачем тебе? – Ингрид недоверчиво сощурила глаза.

– Не знаю. Я ещё не думал об этом, – честно ответил Ольгир. – Наверное, чтобы враги мои боялись меня.

– И перестали считать за мужчину. Колдовство – не мужское занятие.

Ольгир хохотнул.

– Бойка ты на язычок.

Ливень затихал, и теперь просто и скромно моросил обыкновенный дождь. Ольгир поднялся, который раз обошёл кругом камни и принялся пританцовывать во время ходьбы, запомнив движения, что подглядел у Ингрид. Она уставилась на него во все глаза, так нелепо это выглядело в его исполнении, и не смогла сдержать улыбку. Ей хотелось разозлиться на него, припугнуть, чтобы он немедленно перестал баловаться на священном месте, но Ольгир был чертовски обаятелен.

– О, да ты умеешь улыбаться. – Он подмигнул ей, но, отвлекшись, неосторожно оступился на рытвине и упал на камень.

– Ольгир! – против воли вскрикнула Ингрид.

Он был цел и невредим, за исключением рассечённой скулы. Капелька крови осталась на остром осколке камня, не ведая, что стала самой желанной жертвой для ушедших богов. На небе косым озлобленным росчерком вспыхнула молния, ударив без звука. Он отстал от неё на несколько томительных мгновений, а потом огласил собою всю земную поверхность.

Ингрид замерла посреди круга, будто молния поразила её. Кровь стекла по камню, и её нагнали дождевые капли; на землю она упала уже розовой водой. Ещё одна молния разорвалась прямо над головами Ингрид и Ольгира.

Сердце Ольгира безумно билось в груди, но страха он не показывал, напротив, поднял голову и стал с вызовом смотреть на плещущиеся молнии. Их красота завораживала. Восторг лился через край.

Ингрид внимательно следила за ним.

– Ты хочешь научиться сейдам? – наконец спросила она.

– Было бы неплохо, – отозвался Ольгир. Глаза его задорно блеснули, отражая всполохи неба.

– Тогда подойди ко мне. Я научу тебя одному сейду.

Он шагнул к ней, ступил ближе, чем положено, и Ингрид с трудом подавила волну беспокойства, вызванную воспоминанием об их встрече на переправе. Тогда он был так же близок, но сейчас она чувствовала за собой силу и власть. Они были одного роста, Ингрид, кажется, даже немного выше. Она снова ощутила его дыхание на своей щеке и шее.

– Не так близко, – хмуро произнесла она и отступила от Ольгира на один шаг, после чего протянула ему руки. – Повторяй за мной.

Он протянул ей свои ладони, и Ингрид схватилась за них. Пальцы её были холодны, его же обжигали жаром. Она произносила слова, совершенно неясные Ольгиру, но он охотно их повторял за Ингрид, как прежде – её танец. Ольгир старался вслушаться в их звучание, пытаясь распознать хоть одно словечко, но напрасно.

– Подай мне нож, – наконец произнесла Ингрид.

– Подай мне нож, – с задорной улыбкой повторил Ольгир.

Она бросила на него презрительный взгляд.

– Эй, девица, ты сама велела повторять за тобой.

Тем не менее Ольгир вытащил из серебряных ножен нож и протянул Ингрид. Она приняла его и решительно надрезала палец, чуть выше прежней ранки. Тряхнула рукой, и капли упали на землю и камни.

– А мне так надо делать?

– Если пожелаешь. Но ты уже оставил свою кровь здесь. – Она указала на рассечённую скулу.

Ольгир, не поверив, всё же принял из её рук нож и также надрезал палец. Ингрид вновь произнесла какое-то заклинание, и Ольгир повторил за ней. Ингрид замолчала.

– Это всё? – Он сощурился и облизнул кровоточащий палец.

– Да.

– Что же, теперь я не муж, да? – Он усмехнулся.

– Один раз не...

– Не колдун. Понятно. Что это был за сейд? – Ольгир заозирался по сторонам, заметив, что дождь закончился. Грозу снесло в сторону восхода. – Мы наколдовали хорошую погоду?

– Нет.

– А что же?

– Ты принёс мне клятву на крови.

Ольгир нахмурился.

– Что за клятва на крови? – Голос его ожесточился.

– Ты пообещал перед богами, что никогда не принесёшь мне зла, а если сделаешь мне больно или возьмёшь меня против воли, то умрёшь. Я же пообещала, что сама стану для тебя смертью и погибелью. – Ясный взгляд Ингрид был направлен Ольгиру прямо в лицо, а после скользнул ему на грудь, где висел оберег. – А ещё, чтобы клятва обрела силу, ты отказался от своего нового бога.

Ольгир застыл с приоткрытым ртом. Он улыбался, но улыбка его была перекошенной.

– Ты меня одурачила, – он рассмеялся, точно это была хорошая шутка. – Обвела меня вокруг пальца. А я поддался тебе.

Он посмотрел на неё дерзко.

– Теперь, когда ты связала нас клятвой на крови, пойдёшь за меня?

Ингрид вскинула голову и посмотрела на резные лики богов, а после на фигурку перевёртыша, что лежала на земле. Дождь опрокинул её в траву, и фигурка смотрела на неё лицом волка. Ингрид нахмурилась.

– Я подумаю, – наконец произнесла она, не оборачиваясь. – Дай мне время.

– Это уже не «нет».

– Просто я бы на твоём месте не осмелилась нарушать клятву на крови, произнесённую здесь.

– Я подумаю, – хмыкнул Ольгир, вновь повторяя за ней.

– Мне пора идти. Отец, верно, уже заждался меня.

– Хочешь, я подвезу тебя? – Ольгир ухмыльнулся.

– Я не умею держаться в седле, – призналась Ингрид. – Боюсь, вывалюсь на первой же кочке.

– Ничего ты не выпадешь, если будешь держаться за меня.

– Я...

– ...Подумаю?

– Согласна. – Лицо Ингрид вновь стало бесстрастным.

Сол оказался обучен опускаться на колени, чтобы на него мог взобраться даже раненый. Ингрид уселась в седле, и Ольгир, заставив коня встать, сел позади неё. Подол её платья задрался, обнажая сильные ноги. Ольгир засмотрелся на них, а после тронул поводья. Ингрид крепко держалась за седло и взрыкивала каждый раз, когда Ольгир поддерживал её за талию. Они выехали к реке, и Ольгир, вместо того чтобы повернуть коня налево, в сторону переправы, повернул его направо – к порогам.

– Я живу выше против течения, – сказала Ингрид и указала рукой. – Туда. Ты что, забыл?

Ольгир пустил коня рысью, и Ингрид затряслась в седле, испуганно схватившись за гриву коня. Ольгир хохотнул.

– Держись-ка ты крепче, не то расшибёшься, если выпадешь, – сквозь смех проговорил он.

– Куда ты везёшь меня?! – взвилась Ингрид.

Ольгир подхватил её, но ничего не ответил, плотнее прижал к себе, не давая вырваться. Ингрид сопротивлялась изо всех сил, и Ольгир, недолго думая, пустил коня галопом. Она закричала, и боязнь свалиться с седла заставила её вжаться в Ольгира. Каждый перестук копыт, гулко отдававшийся во всём теле, всё больше отдалял её от родного дома. Ингрид была готова расплакаться – так напугана она была скоростью, высотой и мужчиной, который крепко прижимал её к себе.

Сол без усталости нёс их прочь. Ингрид не запоминала дороги, но видела, что по левую руку иногда показывается река. Долго они ехали и наконец попали на раскисшую дорогу. Лес здесь отступал всё дальше от реки, будто бы испуганно. Тёплая разливалась по долине, затапливая всё, до чего дотягивались её потоки. Большие камни торчали из воды, будто пытались преградить ей путь. Почти сразу за камнями и начинались пороги. Ольгир повернул коня к воде. На грязи конь сильно споткнулся, и Ингрид взвизгнула от страха.

– Держись-ка тут крепче и не брыкайся, – велел Ольгир. – Не хватало ещё, чтобы ты упала на камни или конь из-за тебя оступись.

Ингрид лишь яростно скрипнула зубами в ответ. Воспользовавшись тем, что Сол остановился, она резко дёрнула головой, пытаясь ударить своего похитителя затылком в нос, но Ольгир ловко отклонился и до боли сдавил её живот.

– А ну не брыкайся! – рявкнул он.

Сол перешёл реку, ни разу не оступившись, и когда вышел из воды, Ольгир вновь пустил его вперёд. Теперь дорога проходила сквозь ясеневую рощу, иногда петляя, и Ингрид совершенно растерялась. Место оказалось абсолютно незнакомым для неё, да и тропа, по которой они ехали, явно была не основным трактом. Ольгир нарочно выбрал этот путь, чтобы запутать Ингрид. Вскоре Сол перешёл на шаг, так как раскисшая грязь не позволяла ехать быстро.

Кругом была ночь, но Ольгир каким-то чудом безошибочно выбирал дорогу и вывел их к полю. В темноте виднелись тёмные крыши ферм.

– До Онаскана совсем ничего осталось, – негромко произнёс он, и Сол пустился рысью в сторону залива и реки Полотняной.

Ингрид очнулась на мягкой кровати. Она с трудом разлепила опухшие от слёз глаза и уставилась на потолок. Тот показался ей совершенно незнакомым, и она дёрнулась, рывком поднимаясь на локтях. Осмотрелась. Сквозь небольшие оконца под самой крышей проникал яркий солнечный свет, косыми лучами падая на застланный досками пол. Помещение было небольшим, но чистым, и имелось здесь всё необходимое. Резное изголовье кровати, похожее на двух ощерившихся друг на друга волков, высилось над головой. В противоположном углу стоял сундук, а у двери на столбце – кувшин с водой, кружка и миска с кашей.

Снизу раздавался какой-то шум, наперебой спорили разные голоса. Её комната была наверху, и Ингрид на мгновение замерла, не решаясь опустить ноги на пол. Там, внизу, были другие помещения и комнаты, наполненные людьми, и от этого осознания ей стало не по себе. А ну как пол провалится ещё!

Тем не менее Ингрид встала с кровати и подошла к двери, опустила на коленки и заглянула в узкую щель внизу, но было слишком темно, чтобы что-то рассмотреть. Она наудачу толкнула дверь, но та оказалась заперта. Ингрид не поверила и толкнула вновь, навалившись со всей силы.

– Выпустите! – закричала она. – А ну выпустите!

Ей никто не ответил. Она вновь заглянула в щель и прислушалась. За дверью точно никого не было. Она метнулась к сундуку и сдвинула его к одному из окошек, вспрыгнула на крышку, и роста как раз хватило, чтобы лицо оказалось на уровне окна. Её на мгновение ослепило ярким светом, но, когда глаза привыкли к солнцу, она отказалась поверить в увиденное.

Это что, море?

Ингрид увидела пристань и множество ладей и лодок, привязанных к столбам. А за острыми мачтами виднелось оно. Море. Это был всего лишь узкий залив и впадающая в него река Полотняная, но и того было достаточно Ингрид. Там, за невысокими скалами и лесом, начиналось настоящее море. Вода блестела и переливалась, как чешуя лосося. Ингрид долго и жадно смотрела на водную гладь, а после опустила глаза вниз, на город.

Под стенами был разбит огромный двор, но часть обзора закрывали крыша амбара и другие хозяйственные постройки. Двор был обнесён высоким забором, и куда ни посмотри – повсюду стояли преграды. Даже из воды торчали деревянные зубья, преграждающие путь недругам. Ингрид поёжилась. Пасты города сомкнулись вокруг неё...

Воспоминания ночи нахлынули, окатив кипятком, и сердце Ингрид болезненно сжалось. Она вспомнила лицо Ольгира, серьёзное и, кажется, даже пристыженное. Его горячие руки и кровь, которой он окропил землю священного круга. Его голос, послушно повторяющий за ней слова смертельной клятвы. Его взгляд, едкий, ледяной, но страстный. Она вспомнила и то, как

он смотрел на неё, когда она стояла промеж богов, озаряемая белыми молниями. Испуганно, но обожающе.

– Как он посмел так поступить? – прошептала она и, спрыгнув с сундука, схватилась за голову. – Как он посмел?!

Волна чёрной безбрежной ненависти разлилась в её душе. Она зарычала, как пленённый зверь, и невидяще уставилась на дверь. В резном узоре её бились друг с другом в смертельной схватке две драконьи головы, имеющие общее тело. Ингрид захотелось стать этим зверем, чтобы убить, задушить Ольгира. Ещё никогда её не обуревала столь отчаянная ярость, клокочущая и рокочущая, уничтожающая всё на своём пути.

Она вновь зарычала и, схватившись за крышку сундука, тяжело задышала. Губы её дрожали, из глаз брызнули, ослепляя, горячие слёзы. Капли сорвались и упали на пол, и Ингрид застыла. Она была не рада слезам. Тут же смахнула их рукавом, и в голове её сей же миг посветлело. Буря в море затихала, но вода не унималась, не переставала плескаться через край, а намерзала, волна за волной, прозрачными ледяными наплывами. Ингрид тяжело вздохнула раз-другой. Голова её кружилась, но ясная мысль не давала ей вновь вспенить море ярости. Она точно знала, что клятва крови, произнесённая на священном месте и связавшая их с Ольгиром, однажды спасёт её и погубит его.

– Видят боги, я стану твоей смертью, сын конунга, – упрямо прошептала Ингрид, и лицо её замерло. Ни один мускул не дрогнул, точно черты сковало льдом. – Ты умрёшь, ведь ты уже нарушил свою клятву. А будет нужно, я и всех детей твоих, всех потомков проклянущу. И сама, как жена рода твоего, буду проклята.

Она отбросила со лба спутанные волосы и, выудив из сундука гребешок, принялась их расчёсывать. Голова её была пуста.

Арн Креститель умер ночью, так что переполох настиг Ольгира с самого утра. Как бы ни хотелось ему запереться в своих покоях с добрым ведёрком отменного мёда, он нашёл в себе силы выйти к людям.

Он думал, что порадуетсЯ смерти отца, но на самом деле не испытал ничего.

На следующий день Крестителя положили в землю, как семя, которое никогда боле не даст побегов, и на земле этой поставили раскрашенный камень, хваливший его и вымаливающий у Бога всепрощение, будто тысячи слов, разлетевшихся по миру, было мало.

На тризне ели мясо быка, кланяясь ему, как мясу самого Крестителя. Ольгир смотрел на мужей, пришедших сюда с богато наряженными женами и дочерьми, и во взгляде его сквозило недоверие. Он понимал, насколько был слаб в чужих глазах, насколько отличался от Лейва. Он пил много мёда, чтобы хоть кроху забыться, но никак не мог захмелеть. От выпивки лишь усиливался громкий звон в голове.

Конунг Арн Креститель умер. Теперь Ольгир новый конунг. Скоро во всеуслышание объявят то на тинге.

Ольгира любили многие дружинники, ведь он им был ровня – словно молодой дренг, он сам добывал себе славу и богатства. Прежде был ровня. Теперь он стал выше любого из хольдов. Теперь он – будущий конунг.

Несмотря на знатность свою, Ольгир прежде и не думал становиться хранителем народа. Он служил в хирде ярла Агни наравне с прочими славными сыновьями Онаскана, сражался в битвах, коих при Арне Крестителе было не так много – тот не лез в войны, что окружали конунга Анунда пчелиным роем, но страшал мечом своим лезущую из лесов, как отчаянное зверье, сумь. Наверняка Ольгир стал бы следующим воеводой для своего старшего брата...

Как ты посмел так глупо сгинуть, Лейв?

Прежде конунга выбирали ярлы, старейшины, бонды и его сотрапезники. Но не угодили Арну старые порядки. Пожелал он, чтобы один лишь род его правил, передавая власть от отца к сыну. И как только ярлы согласились с новыми правилами? А скольких противников он убил исподтишка, как хитрый бог?

Ольгир и рад бы был сбросить с себя бремя конунга и вновь вернуться в хирд, даже несмотря на Агни Левшу. Хотя... Может, для начала сменить воеводу? Этот уже слишком стар...

Ярл Агни сидел по правую руку от Ольгира, и тому было тошно, что старик действительно жалел его отца. «Верно, питьё попортилось из-за его скорбного лица!» – подумал Ольгир и отпил ещё из своей узорчатой кружки. Волей-неволей, но Ольгир посматривал на Агни после каждого большого глотка, будто проверял, когда старый ярл перестанет быть ему противен ровно настолько, что он сможет думать хоть о чём-либо, кроме его присутствия.

Агни сидел понуро, тёмными глазами внимательно рассматривая каждого из гостей. Лицо его было холодно. Сильные руки сложены на груди, и на правой кисти его не хватало пальцев. Меч в бою Агни держал левой рукой, за что его и прозвали Левшой. Удары мощных рук его новобранцам были особенно страшны тем, что наносил он их с неожиданной стороны. Десять лет назад и Ольгиру доставалось от него, и казалось, он уже тогда невзлюбил Агни. Слишком уж они были схожи с его отцом. Тот тоже запросто находил куда разить, кулаком или словом. И так же слепо верил в нового бога.

– Знаешь, – раздался низкий и грубый голос Агни, и Ольгир неохотно прислушался к нему. – После первой свадьбы вельва из знатных господ сказала твоему отцу, что он будет убит старшим сыном. А Арн ведь не поверил ей. Да и я не знал, что всё так обернётся. Разве думал я, что не рука Лейва, а смерть его сломает Крестителя?

Ольгир повернулся к нему, сощурился глазами.

– Умер он позорно, как дряхлый старик, в своей постели, – продолжил Агни Левша. – Обида за него берёт. Хотя, может, оно и к лучшему. В любом же случае бог благосклонен к нему и благодарен за то, что Арн подарил ему новые земли и новую паству. И без того он совершил многое великое...

– А почему мой отец должен был верить жрице старых богов, раз уж поклонился новому богу? – ухмыльнулся Ольгир. Ему понравилась мысль о том, что любимец Крестителя его же и убил, но ему захотелось поспорить с воеводой хоть в чём-то. – Отец был болен и стар, он и без смерти Лейва помер бы. Это так глупо. Слова вельвы тут притянуты за козлиные уши.

– Глупо, да, – неожиданно согласился Агни. – И странно то, что женщина не сказала ни слова о смерти своей дочери, а ведь та померла в родах меньше чем через год. А могла бы и то предвидеть...

Ольгир фыркнул и пригубил мёд.

– Вот так лживы старые жрецы. Лживы боги их, скрывающие от своих же людей правду.

Ольгир продолжал молчать, раздражённо слушая ворчание мужчины. Он не был согласен с ярлом, но понимал, что если вспылит, то уже не сможет сам успокоить свою ярость. А спорить с Агни – всё равно что с быком.

– Ты уже нашёл себе жену? – спросил вдруг ярл.

Ольгир был готов к этому вопросу.

– Для чего? Чтобы та тоже родила мне сына, который убьёт меня? – хохотнул Ольгир.

Агни хмыкнул на шутку, недовольно пошевелив чёрными усами.

– Я уже нашёл себе жену. И я был бы очень признателен, если бы ты не стал звать на мою будущую свадьбу никаких прорицательниц. Не хотелось бы мне знать, как я сдохну. Жить так будет неинтересно.

– Правда? И кто же она? – Агни пропустил колкость Ольгира мимо ушей. – Ты не спрашивал меня и не говорил о ней раньше.

– А мне теперь стоит сообщать тебе всё? Или тебя интересует только то, что у меня происходит с молоденькими девами? – Ольгир подмигнул ярлу.

Холодная улыбка спряталась в бороде Агни.

– Ты дерзок и смел, Ольгир. Это важные качества для конунга, вот только тебе не стоит дерзить тем, кто находится с тобой на одной стороне. Я желаю тебе и твоему городу лишь процветания.

– Я тоже желаю себе лишь процветания.

С их лиц не сходили напряжённые улыбки. Оба хорошо помнили, сколько крови попортили друг другу. Не единожды Ольгир бунтовал против старого ярла. Не единожды порицали его за то отец и сам Агни. Пусть и не был он раньше конунгом, но свой народ, согласный только с ним, у него был всегда. Многие хольды любили его за злобу и силу, подобную мощи убийцы Хрунгвира. Ольгир напоминал им тех конунгов, что были прежде, до Арна Крестителя и его отца. Дерзкий, яростный, сомневающийся в новых богах и охотнее почитающий старых. Был он скор на расправу и подвижен, как призрачный волк, бегущий по кронам деревьев.

Он был воином, а не мудрецом.

– Что бы я ни ответил тебе, ты бы сказал, что обе твои дочери в подходящем для замужества возрасте, – произнёс Ольгир и плеснул себе ещё из кувшина. – Да и то, что внучка твоя от старшего сына уже поспекает.

Он хищно посмотрел на неё. Девочка сидела со своими тётками, которые были немногим старше её, и внимательными глазами рассматривала гостей. Одетая совсем как взрослая, но голубое платье было длинно в рукавах, и не держали их даже широкие обручья. Дочери Агни, заметив взгляд Ольгира, заулыбались ему – одна другой краше, и он одарил их сияющей улыбкой. Старшая из них зарделась, потупила взгляд, а младшая игриво подмигнула Ольгиру. И для кого только берёт их ярл? Девушки давно уж были зрелые.

– Может быть. Но ещё я бы сказал, что нам не помешал бы союз с Анундом. А у него есть дочь.

– Вот как! – Ольгир и правда удивился. – То есть Лейву досталась всего-то его двоюродная сестра. А мне дочь, вот так сразу. Конунг Анунд не согласится на такой союз.

– После грабежей, которые ты учинил, так и есть, – Агни было всё труднее скрывать недовольство, но говорил он всё это с полусерьёзной улыбкой. – А значит, только тогда бы я напомнил тебе про своих дочерей.

– Твои дочери хороши. Это просто прекрасно, что личиком они уродились в матушку, а не в усатого кривого отца. Но жена у меня уже есть. Вернее, будет.

– Кто она?

– Сейдкона и принцесса троллей, – без смеха ответил Ольгир, но Агни захохотал, решив, что это очередная шутка.

– Твоя вера не позволит жениться на ней, в самом-то деле. Эта женщина годится такому, как ты, только в наложницы.

– Я женюсь на ней.

– Наиграешься ведь...

Ольгира, как кстати, позвали, и он ушёл, нетерпеливо и слишком быстро. Агни остался сидеть в своём кресле, угрюмо взирая на гостей.

– Пойдёт ли кто за таким? – послышался скрипучий голос за спиной.

- Старый Лис, – протянул Агни, не оглядываясь на ключника. – И давно ты тут?
- Я? Да как Арн Креститель назначил, с тех самых пор...

Из тени показался Рун, прозванный Старым Лисом ещё в те времена, когда на голове его была густая копна рыжих волос. С годами он облысел, и всё лицо его стало невзрачным, будто ветром вылизанное. Ни за одну черту невозможно было уцепиться глазом, кроме как за куцую бородёнку, похожую на лисьи белые усы, стоящие торчком. Был он, казалось, старше всех при дворе и хорошо помнил даже деда Ольгира. При Арне Крестителе он был советником, а как умерла вторая жена конунга, стал и его ключником. Вместо положенной хозяйки владел он всеми ключами от Большого дома и двора. Сновал повсюду неслышной тенью и, верно, знал обо всём, что происходило внутри дома и за его пределами до самых стен. А может, и дальше простирались его знания.

– Хватит с меня шуток, Лис. Я уже устал от них, пока сидел рядом с этим плутом. Ты слышал, о чём мы говорили с Ольгиром...

- И о ком...

Агни устало вздохнул.

– Он безмозглый, – сокрушался ярл. – Ребятня головёха. Бабье воспитание! Это мать сделала из него игрушку, а как померла, так больше за него никто и не взялся. С теми мозгами и остался, как у десятилетнего.

- Десятилетние конунги уже и армии водят.

- А он – нет. Одно слово только – выродок. Пустоголовый...

Старый Лис ухмыльнулся, потряс жидкой бородой.

– Не нравится мне уже эта затея Арна. – Левша медленно опустил голову на ладонь, локтем опёршись о стол.

- Какая такая затея?

– Да та, что род его должен быть выше остальных родов. Немыслимо это, что в одной только семье достойные рождаются. Конунгом должен быть достойнейший, о ком молва идёт вперёд.

– Что за слова я слышу от верного пса почившего конунга? – в притворном изумлении прошептал Лис, присаживаясь на подлокотник кресла Ольгира.

– Напрасно думаешь, что я затеял дурное. Как решил Арн, что сын его станет следующим конунгом, так оно и будет. Я объявлю об этом на тинге и исполню последнюю волю Крестителя. Да только не даёт мне покоя то, что, держа слово перед конунгом и богом, я будто бы предаю другие рода. А они ведь столь же знатные и честные. Не должен ли быть конунгом тот, кто достоин этого делами и богатствами своими?

– Ты не задавался подобными вопросами, когда Арн видел следующим конунгом своего старшего сына.

– Лейв был достоин. Ты же сам видел, что на тингах его привечали не как сына правителя, а как доблестного мужчину. А что Ольгир... – Лицо Агни скривилось, будто от боли. – Ежели дальше жить по новым заветам, то нам теперь что, ждать, когда у Ольгира появится путное дитя? Да ещё и от сейдконы? Да от таких только змеи рождаются!

Старый Лис покачал головой.

– Слова твои таковы, будто ты уже себя в расчёт не берёшь, притом что ты второй человек в Онаскане. А раз уж мы берём Ольгира, а не покойного Лейва, то ты и вовсе первый, – Рун снова понизил голос: – Тебе всего-то нужно приструнить юнца. Сам сказал, он наиграется. Ольгир неглуп, прислушается к тебе. Прислушается и будет слушать дальше. Ты и прежде был выше его: он простой дружинник, а ты – воевода. Он просто пьян от всего того, что случилось с ним. Сначала унижение от тебя. После потеря любимого брата и отца с разницей в несколько дней. Да тут недолго тронуться умом.

– Какое ему дело до покойных, если он только и знал всё то время, что развлекаться с девками и грабить чужие сёла. Ещё и сейдкона эта. – Агни помрачнел, насупил тёмные брови. – Нет, Лис. Нет. Он не будет слушать меня. Он никого не слушает.

– Аколута слушает.

– Кого? – Агни и впрямь не расслышал.

– Мальчишка, что вечно ходит за епископом, – просипел Лис. – Верно, Ольгир хотел бы оставить его при себе.

– Пустое всё это, Лис. О каких мальчишках ты судачишь, если мы обсуждали с тобой Ольгира и то, что он не будет прислушиваться ко мне.

– Он не будет, а другие будут. Пойдет ли кто за таким, как он? – упрямо повторил свой вопрос старик.

– Его чтят многие в дружине.

– И многие ненавидят.

– Он уже ходил со своими отрядами. За ним идут.

– За ним идут сыны, а не отцы. Вся власть у отцов, пока те ещё в силе и не выжили из ума. Ярлы и бонды были довольны Арном Крестителем и довольны тобой. А Ольгир... Он разорял чужие владения и прежде, не считаясь ни с кем, из одного бахвальства.

– Что ты хочешь от меня, Лис? Уж не предлагаешь ли и вовсе занять место конунга? – Агни понизил голос до шёпота.

– Долго не походишь вокруг тебя, – Старый Лис понизил голос следом. – Не конунгом... пока что. Сначала подчини его себе, найди его слабость.

– Найди его слабость... – протянул Агни, почёсывая бороду. Лицо Старого Лиса растеклось в улыбке. – Что же, тут есть о чём поразмыслить.

– Поразмысли. А ещё позволь ему ошибиться. Тебе не придётся утруждать себя, лишь выжди, пока он не оступится. Сам. У него не так много союзников, как ты думаешь, и вся его слава пока что – это честь его отца и нескольких отрядов. Сейчас, пока сильна память об Арне Крестителе, за него охотно заступятся, но потом...

– И когда он ошибётся?

Лис цокнул языком.

– А он уже ошибся, просто этого пока никто ещё не прознал...

– О чём ты? О свадьбе с троллихой?

– Побереги дочек от него, не надобно им такого счастья. Что тебе, в самом-то деле, станется с того? Троллиха не изменит ничего в Онаскане, а те, кто поддерживает Ольгира, отвернутся от него. Им всем сейчас хочется одного: видеть свою дочку или сестру подле конунга. Но пусть придержат своих дочерей для твоих сыновей.

Агни покачал головой.

– Я не желал власти над Онасканом, Лис. Я лишь самый верный и богатый из слуг Арна Крестителя.

– Неужели ты выбросишь лосося, если тот сам прыгнет тебе в руки?

Ярл почесал за ухом, в котором блеснула серебряная серьга. Ольгир громко говорил и смеялся, и голоса его собеседников сливались в гудящий нетрезвый звон. Мясо священного быка было почти что съедено, и гости радовались за мёртвого, как за живого, поминали его так славно, будто он погиб в бою.

– Жирен лосось, – задумчиво произнёс Агни.

– И мясо его красное.

Город, окованный широким кольцом стены, стоял на трёх каменных холмах, отколовшихся когда-то от пригорья и сползших сюда, к морю, с далёкой северной гряды. Он ждал, когда солнце перевалит за горизонт, чтобы загореться факельными огнями и тихим тлением жировых ламп.

Далеко отступили леса от Онаскана. Доброе дерево шло на строительство, а обнажённые земли расчищали и засевали фермеры. Поначалу не прирастало к земле зерно, не давало сильного побега, но позже оно свыкло с каменистой почвой и коротким летом, которое тем не менее порой любило нажарить бока. Онаскан упёрся вплотную к воде морской с юга и к речной – с захода, а с северной стороны к нему прирастали и пристраивались дома, так что город продолжал расплзаться по берегу. Там, где река впадала в залив, из воды торчал остров, на котором не так давно заложили монастырь, и его легко было разглядеть в ясные солнечные дни.

От скуки Ингрид поглядывала на стены монастыря да на еловую щётку лесочка, окружавшего его. Смотрела она и на воду залива, что была гораздо спокойнее тех бесноватых морских волн, о которых говорил её отец. Смотрела и на Полотняную. Она знала, что реку так прозвали за непоколебимую водную гладь, блестящую на солнце, как натянутое шерстяное полотно. Но даже такая спокойная река рябилась мелкими барашками в месте, где сцеплялась с морем, тогда как вода залива оставалась почти недвижимой. Ингрид подумала о своей реке, о том, что Полотняная несёт и её воды тоже, тянет их к морю. Ингрид тяжело вздохнула, испытывая щемящее чувство тоски.

Море не шумело. Его перебивал гомон сотен голосов. Они раздавались будто бы ото всюду. Днями и ночами Ингрид слышала, как гудят голоса внизу, как переговариваются и перекрикиваются слуги и хускарлы во дворе. Повсюду были люди. Так много, что ей становилось не по себе и она чувствовала себя как в клетке, вокруг которой денно и ночью снуют любопытные зеваки.

Медленно тёл третий день её заточения. Ольгир не показывался. Время от времени к ней приходили служанки, чтобы принести еду и вынести грязь. Ингрид не разговаривала с ними, лишь внимательно наблюдала за тем, как они выполняют свою работу. Слуги робели перед ней и старались скорее скрыться, а Ингрид было и невдомёк, что по двору вовсю ползли слухи о том, что сын конунга привёз в Большой дом принцессу троллей.

На четвёртый день наконец пришёл сам Ольгир. Он сухо поприветствовал её и, не проронив лишнего слова, вошёл в её темницу. Ингрид, как и прежде, сидела на сундуке, против воли подслушивая, о чём перешёптывались стражники во дворе. Она обратила взгляд на Ольгира, и тот медленно закрыл за собой дверь. В руках он держал свёрток одежды и шёлковый мешочек с золотой вышивкой.

– Я принёс тебе свежую одежду, – произнёс Ольгир и опустил вещи на кровать. Сам он прислонился к двери, подперев её плечами.

Ингрид заметила, что взгляд Ольгира был потерянным, а под глазами залегла синяя тень. Они молчали.

Он распустил шёлковый мешочек и выудил длинную низку бус.

– Так ты пришёл подкупить меня? – догадалась Ингрид и недобро сверкнула глазами.

– Теперь так называется желание принести дары и порадовать женщину?

Ингрид презрительно фыркнула.

Он подошёл к ней и застыл, будто ожидал, что Ингрид разрешит ему приблизиться и завязать бусы на её шее. Она же не проронила ни слова, лицо её было надменным. Ольгир, не дождавшись позволения, легко набросил низку ей на грудь и завязал поверх волос, после чего вытащил косу из-под шнурочка. Бусы блестели нежно сердоликом и хрусталём, и тёмными пятнами на них пестрели синие рябые бусинки.

– Моё расположение к тебе столько не стоит. – Она будто бы нарочно провела по бусам пальцем, на котором ещё алела ранка от удара ножом.

– Что же мне дать тебе, чтобы ты проявила ко мне благосклонность?

– Свободу.

Тут уж настала очередь Ольгира фыркнуть.

– Когда ты станешь женой конунга, то станешь свободной и властной.

– Женой конунга? Так ты привёз меня сюда, чтобы выдать за своего отца? Наверное, это даже хорошо. Он-то ещё не успел испортить моё мнение о себе.

– Дурная ты, – усмехнулся Ольгир. – Я теперь конунг.

Ингрид изогнула правую бровь дугой, смерив Ольгира оценивающим взглядом.

– Буду честна, это бремя тебя не красит.

– Ты моё украшение.

Ингрид прыснула, хоть и хотелось ей быть бесстрастной.

– Я тебе не по суме, – наконец произнесла она, и лицо её ожесточилось. – Я не знаю, скольких девушек до меня ты купил своими дорогими подарками и соблазнил сладкими речами, да только не совладать тебе со мной. Ты предал меня в тот же день, что увидел впервые, а потому и тебе, и каждому твоему подарку – грош цена. Клятвопреступник!

Она плюнула ему под ноги. Ольгир рассвирепел, замахнулся было, чтобы ударить Ингрид, но сдержался. Она вся сжалась, готовясь к удару, но его не последовало.

– Ты сама обманула меня, да ещё и перед чужими богами. Моя клятва для них пустой звук, поняла? – процедил он сквозь зубы. Глаза его горели голубым холодным огнём.

Ингрид вновь ощутила себя испуганной девушкой, прижавшейся ко дну лодки. Но страх этот быстро прошёл. Она знала, что справедливость и правда на её стороне, а потому боги заступятся за неё. Ей стоило лишь снова собрать в кулак всю свою гордость и бросить её в лицо Ольгиру.

– Для меня не пустой, – громко прошептала она, глядя на него снизу вверх.

Краска, было схлынувшая, уже вновь вернулась к её щекам. Губы налились алым цветом. Ольгир опустил руку, посмотрев на неё как на чужую. Он сам будто не ожидал того от себя, и Ингрид, заметив его замешательство, приняла ещё более горделивый вид. Ольгир оробел и отступил от неё.

– Я не верю твоим деревяшкам, и они мне пусть не верят, – упрямо пробормотал он.

Собравшись выйти из комнаты, он вдруг обернулся и снова бросил взгляд на Ингрид.

– Приходил твой отец, – мрачно произнёс Ольгир.

Руки Ингрид вмиг похолодели, но, помня о своём намерении, она не выдала чувств.

– Такой же, как и ты, – продолжал Ольгир. – Я предложил ему богатые земли за тебя и своё расположение, а он лишь кричал о том, что я украл тебя и держу в плену. Я того не хотел, но моим хускарлам пришлось выпроводить его, пока он не наворотил бед.

Подбородок Ингрид задрожал, она еле сдерживала ярость, перемешанную со слезами. Ни дня не прошло, чтобы она не думала о своём отце, волновалась за его самочувствие и дух. Он был слабее её, мягче, и её заточение вмиг показалось ей не столь страшным наказанием, каким ужасным для её отца было бремя одиночества и отчаяния.

– Вели передать ему весть от меня, – холодно промолвила она.

Губы Ольгира искривила усмешка.

– Будешь велесть, когда станешь женой конунга, – бросил он с ухмылкой. – Когда будешь моей.

И вышел.

Ингрид распирала ярость.

– Когда будешь моей, – злобно и нахально передразнила она. – Я и так твоя, и только твоя. Она принялась развязывать бусы, но дрожащие пальцы почти не слушались её.

– Я и так твоя. Твоя смерть!

Ольгир осмотрел большую залу. После смерти отца и брата в ней будто бы что-то переменялось. Раньше они жили в Онаскане лишь летом, весной да в осенний месяц, а на зиму уезжали в усадьбу, где праздновали кровавый месяц и Йоль, но за последний год отцу резко стало хуже, и он испытывал боль от нахождения в седле или же от тряски в повозке, даже от мерного покачивания ладьи ему становилось худо. Больше года они жили здесь, в Большом доме в Онаскане, и Ольгиру сейчас, как никогда раньше, захотелось укрыться в усадьбе и больше никогда не казаться оттуда носу.

Он стоял посреди залы, думая о своём, как раньше делал отец, но если от отца веяло мудростью и силой, то Ольгир, находясь здесь в качестве конунга, чувствовал себя последним дураком.

Но все его мысли неизменно возвращались к Ингрид. Ни о чём другом он больше не мог и помыслить – она изжила из головы всё остальное. Он желал её всем своим естеством, а потому не хотел никуда отпускать. Её образ стал для него безумным и диким старым богом, которому он разве что не молился. Ни одна женщина не могла утолить его жажды, и ни одна кружка пива не могла отвлечь его от дурных помыслов, ведь вместе с мыслями о ней приходили и думы о проклятии и клятве. Он лгал ей и себе, будто бы не боялся тех непонятных слов, произнесённых в круге. Чернота и страх охватывали его, лишая сна по ночам. Так кошмарно было ему лишь в те ночи, когда луна неумолимо близилась к своей полноте. Ольгир качался взад-вперёд, баюкая свою ярость.

Ох, как же он был слаб!

Неужели проклятие принцессы троллей уже принялось лишать его жизненных сил?

Ольгир вздрогнул, услышав почти беззвучные шаги за своей спиной. Он обернулся, вперив тяжёлый взгляд в вошедшего, но то был всего лишь аколут.

– А, это ты, Ситка. – Ольгир облегчённо выдохнул. – Здравствуй и проходи.

Ситрик замешкался. Он явно не понимал, как подобает вести себя с конунгом. Ольгир коротко фыркнул, будто бы смеясь.

– Да полно тебе, иди сюда. Не стесняйся. – Едва наречённый конунг тепло посмотрел на давнего друга.

Ситрик приблизился, сгорбленный, и Ольгир привычно хлопнул друга по спине, чтобы тот перестал сутулиться. Вместе они уселись за стол, и Ольгир тут же опустил голову в ладони.

– Я совершенно не знаю, что мне делать. – Он с надеждой посмотрел на Ситрика.

Тот открыл было рот, но Ольгир тут же перебил его:

– Но если ты предложишь мне обратиться к богу и помолиться, я сочту это отличной шуткой.

Ситрик зарделся.

– Я не то хотел сказать.

– А что хотел?

Ситрик молчал, думал.

– Я не знаю, что тебя тревожит, на самом-то деле, – наконец тихо произнёс он. Голос его всегда был тихим, еле различимым, но Ольгир привык не просто слышать друга, но и слушать.

Конунг вздохнул. Неохотно он рассказал о клятве, которую они вместе с Ингрид дали у резных богов. Сказал и о том, что ждёт его, если он не сдержит слово. Ситрик нахмурился.

– Кажется, я знаю, что делать тебе.

– И что же? – Ольгир нетерпеливо дёрнулся навстречу, готовый ловить каждое слово.

– Если она ведьма и сейдкона, то её сила исходит от старых богов. А если её обратить в новую веру, то её проклятие и клятва немедленно потеряют силу. Боги отвернутся от неё и не будут мстить за ту женщину, что больше им не принадлежит.

Ольгир округлил глаза и на радостях хлопнул Ситрика по плечу.

– Ай да Ситка, мудрая ты голова! – воскликнул он.

Лицо его оживилось.

– Наверное, стоит сделать это тайно, чтобы в городе не узнали. А сразу после можно будет и свадьбу сыграть. – Ольгир нахмурился. – Нет, сразу не сыграешь. Пир бы закатить, да такой, чтобы потом всю жизнь вспоминать. А сейчас, пока траур, ничего нельзя. Только скорбно молиться.

Он откинулся на спинку кресла, пытаясь на пальцах сосчитать оставшиеся дни. Ситрик молчаливо выжидал.

– Ладно. Должны успеть аккуратно к уборке хлеба. – Ольгир отмахнулся. – К окончанию жатвы будет тебе ровно сорок дней.

– Скорее тридцать. Если растянуть уборку, то можно попасть под заморозки или град и сгубить часть урожая, – негромко поправил Ситрик, и Ольгир смерил его яростным взглядом.

– Не столь важно.

– Послушай, Ольгир, – Ситрик обратился будто бы просящим тоном, и конунг кивнул ему, готовый выслушать. – Я думаю, ей сейчас всё в новинку и всё видится пугающим, тем более что ты пока даже не позволил ей выйти из своих покоев...

– Ну?

– Разреши ей выходить из покоев и ужинать со всеми. Пусть она привыкнет к Онаскану, к его традициям и людям, иначе она растеряется на крестинах или на свадьбе и сделает что-то, что опозорит тебя. Раз уж ты говоришь, что она принцесса троллей, то пусть будет для всех в первую очередь принцессой, а не троллем.

Ольгир призадумался.

– Наверное, ты прав. Она дикая и своенравная.

– Этим она и полюбилась тебе? – Ситрик поднял взгляд на Ольгира и заглянул ему в глаза. Казалось, тот не ожидал такого вопроса.

– Полюбилась? – Ольгир качнул головой. – Меня тянет к ней неумолимо. Я хочу владеть ею. Но чтобы любить... Нет. Я любил брата и мать, когда-то давно отца, но её... нет.

Это признание ему далось с трудом. Он в тот же миг посмотрел на друга с плохо скрываемым раздражением и хлопнул по столу.

– Глупые слова. Забудь.

Ситрик внимательно следил за каждым движением Ольгира. Его резкость и частые перемены настроения не пугали аколута – он к тому привык. Но что-то чёрное сидело глубоко внутри его друга, и Ситрик никак не мог уловить что. Проклятие, о котором говорил Ольгир, или что-то иное?

– Я бы хотел помочь, – нерешительно произнёс Ситрик.

Ольгир отвернулся.

– Помогай, – грубо бросил он.

Ингрид рассматривала тонкие серебряные обручья, что утром ей принесла служанка. Девушка была мила и пуглива, и Ингрид даже не обратила на неё внимания. Она надела звенящие путы на руки, но тут же недовольно сняла. Что толку от серебра, если Ингрид не может на него купить для отца какой-нибудь причудливый музыкальный инструмент, вроде кантеле, или что-то ещё, что было действительно важно и нужно им обоим.

Не сразу она обратила внимание, что служанка не ушла, а осталась стоять за её спиной, нерешительно сминая рукава платья. Ингрид обернулась к ней, и девушка потупила взор. Она была так приятна. Губки пухлые, щёчки краснели, как на морозе. Лишь волосы её были скудны и торчали тоненькой косичкой из-под платка.

– Чего тебе? – холодно спросила Ингрид, строго глядя на неё.

Служанка растерялась, робея перед Ингрид, как перед настоящей принцессой.

– Меня зовут Хлин, госпожа, – промямлила она и подняла на неё тёмные глаза.

Ингрид невольно засмотрелась, отмечая их живую красоту, и Хлин, понимая, что её рассматривают, вновь потупилась.

– И чего же ты хотела спросить у меня?

– У меня есть просьба, но я боюсь показаться грубой. – Хлин всё же набралась решимости и шагнула навстречу Ингрид. – Я знаю, что тебе ведомы сейды.

– Откуда тебе это известно? – раздражённо спросила Ингрид.

Её не возмутило поведение служанки, лишь само утверждение. Ингрид никогда не знала сейды и не считала себя сейдконой. Ей было известно лишь то небольшое, что требовалось от неё богам. Ингрид свела брови, качнула головой и, задумавшись, чуть не прослушала ответ Хлин.

– Так вот, моя просьба, наверное, покажется тебе глупой, но я хотела попросить тебя приворожить ко мне мужчину. Он богат, красив и смог бы избавить меня от многих трудностей. Я бы хотела быть такой же, как ты.

Ингрид в задумчивости обвела взглядом свои покои, пытаясь сообразить, что ответить служанке.

– Ты будешь говорить мне только правду? – наконец медленно произнесла она, обдумывая каждое слово.

– Да. – Хлин охотно кивнула.

– Расскажи мне, у тебя есть все ключи?

– Нет, – мигом ответила Хлин. – Ключи выдаёт старик Рун, он же Старый Лис, и тут же забирает, как только они становятся нам не нужны.

– Могла бы ты дать мне ключ от моих покоев, чтобы я выходила отсюда когда захочу, если я приворожу к тебе мужчину?

На этот раз Хлин помедлила с ответом.

– Нет, – нерешительно выдавила она, но тут же утвердительно затрясла головой, что-то придумав. – Но я могу оставить твою дверь открытой, если сегодня вечером принесу тебе ужин после обхода стражи или же во время их дозора... При них покажу, что дверь заперта, а потом незаметно открою её снова и уйду почти вместе с ними!

Голос её звучал возбуждённо, и Ингрид шикнула на служанку, чтобы та говорила тише.

– А что же ты, госпожа? Приворожишь ко мне мужчину?

– Да. – Ингрид на ходу выдумывала ворожбу. – Возьми сухую полынь и троллий цветок, смолоть их надобно будет в порошок, а после брось этот порошок ему в пиво или мёд. Но лучше в крепкое пиво. Так он не сразу почувствует горечь и всё выпьет. Я же в это время буду молиться богам, чтобы они обратили взгляд мужчины на тебя, – она приумолкла, а потом добавила: – Только порошка добавь немного, не перестарайся, иначе получишь отраву.

– Хорошо. – Глаза Хлин засияли.

– Что-то ещё?

– Нет, пожалуй.

– Молчи о нашем разговоре. – Лицо Ингрид стало жестоким.

Хлин послушно кивнула, испуганно потупившись, и, забрав грязную посуду, шмыгнула прочь из комнаты. Дверь за ней плотно закрылась, звякнул ключ в замочной скважине. Ингрид выдохнула и потёрла ладонью лоб. Теперь нужно было лишь дожждаться ночи.

Весь день Ингрид томилась в ожидании, совершенно не зная, чем себя занять. Лучше бы конунг подарил ей ножичек и поленце, а не дорогие одежды и украшения. Она то заплетала, то расплетала себе множество косичек дрожащими от волнения пальцами. Пыталась петь, но голос подводил, срывался.

Настала ночь, солнце, утащенное Сияющей Гривой и Весёлым, закатилось за реку и лес, и в покоях стало темно, хоть глаз коли. Хлин постучала и вошла, заноса ужин и кувшин со свежей водой. Она зажгла жировую лампу, и Ингрид увидела, что на её личике играет хитрая улыбка: видимо, незаметно подсыпать полынь и троллий цветок в пиво удалось. Хлин оставила дверь приоткрытой, так что было слышно шаги приближающихся стражников. Заметив копошащуюся в проходе служанку, они нисколько не удивились, но на всякий случай окликнули её. Хлин ответила им, старательно изображая спешку, и взяла в руки ключ.

Мужчины ушли. Было слышно, как поскрипывает под их ногами деревянная лестница. Хлин тепло попрощалась, теперь уже совершенно не робея перед девицей, названной троллей принцессой, и вышла. Замок медленно щёлкнул дважды, и дверь осталась открыта.

Ингрид облегчённо выдохнула. Она поела без явной охоты. Ела она теперь совсем немного и каждый раз, оставляя едва тронутую пищу на тарелке, качала головой – негоже было выбрасывать так много.

Снизу вновь раздавалась громкая речь, друг с другом спорили и переругивались мужские голоса. Ингрид легла на кровать без сна, решив спуститься тогда, когда внизу настанет полная тишина. Она прислушалась.

Конунг окинул взглядом собравшихся. Ситка стоял рядом с ним, чуть позади, будто стараясь слиться с тенью. Агни, старейшины и Старый Лис сидели за столом, и старика ключника почти не было видно за широкими плечами ярла. Напротив них расположились Тила и Хьялмар – вдова Лейва и её брат. Тилу позвали скорее из уважения к ней и её мужу, и никто не ожидал от заплаканной и потерянной вдовы какого-то участия, зато брат её Хьялмар заинтересованно смотрел в рот каждому говорившему и не медлил с тем, чтобы изложить и свою думу тоже. Ольгир позвал и нескольких глав богатых семейств – они были верными подданными для Арна Крестителя, а на его сына поглядывали с недоверием, не ведая, что от него ожидать. Были тут и Рыжебородый с братом Вигго – Ольгир доверил бы им и свою жизнь. Агни также настоял на том, чтобы служки позвали епископа, но тот опаздывал либо вовсе не посчитал нужным присутствовать.

Ольгир по своей воле никогда прежде не приходил на советы, лишь на тинги. Быть может, только в детстве, когда ему было не больше десяти зим, но и то он запомнил. Шутка ли это воронов Одноглазого Странника, но Ольгир будто бы вовсе ничего не помнил о своём детстве, только лик матери и её яростную любовь.

Люди много спорили, обсуждали воюющих правителей Дании и Норвегии, решали, сколько кораблей присылать конунгу Анунду в подмогу, раз уж он взялся воевать с норвежцами и просил о людях. Говорили о том, что следующей весной надо будет вновь приструнить сумь за Восходным озером, а для того отправить больше людей в Ве. Агни говорил немного, но по делу. Главы семейств охотно слушали его и трясли бородами, а их жёны перешёптывались меж собой, бросая в сторону Ольгира лукавые взгляды, будто насмехаясь над ним. Ольгиру приходилось молчать, но он, нахмутив брови, силился запомнить всё, о чём ярл Агни и Лис говорили с главами и старейшинами.

После смерти Арна Крестителя ярл Агни как-то предложил Ольгиру рассказать обо всех незаконченных делах отца, да только уязвлённая гордость не позволила тому прийти на урок. Теперь же Ольгиру приходилось злиться на себя и сквозь злобу стараться вникнуть в происходящее. Он понял, что Анунд, сидящий за морем, уже узнал о том, что случилось с купеческим поселением свеев, а потому велел прислать ему взамен несколько кораблей с лучшими воинами, чтобы искупить вину. За убитого родича он потребовал три его веса серебром, на что Ольгир едко усмехнулся, ведь тот был редким толстяком. Молодого конунга это рассмешило, тогда как остальные собравшиеся вперили в Ольгира озлобленные взгляды.

Знал Анунд о судьбе молодого города свеев. Но ничего ещё не знал он о смерти Арна и о новом правителе Онаскана да о том, что тому в скорейшем времени надобно жениться.

Ольгир ощущал себя дренгом, что случайно попал на тинг. Все его умения начинались с меча и оканчивались щитом. Говорить по делу он не был горазд.

Когда споры по поводу Анунда утихли и было решено отправить в подмогу корабли, Ольгир опёрся о стол, обозначая своё присутствие, о котором, кажется, помнили только жёны глав, перемывшие ему все косточки. Они сидели за отдельным столом, как было положено при ужине. Ольгир и не знал, что их присутствие обязательно по старой традиции, однако женщины вполуха, но всё же слушали всё, о чем говорили на совете. Если бы мужья отправились в поход, то именно жёны на время стали бы главами своих родов.

Ольгир прокашлялся и громко проговорил:

– Я решил объявить вам о своей свадьбе. Она будет через четыре седмицы. Поэтому мне потребуется разослать гонцов с приглашениями. Пусть позовут всех бондов и обязательно гостей из Ве. Если гонцы оправятся завтра утром, то успеют добраться и дотуда.

– К чему такая спешка? – Агни медленно повернул голову к Ольгиру, и конунг смерил ярла презрительным взглядом.

– Верно, ему уже не терпится вскочить на троллю принцессу, – ляпнул Хьялмар, скаля кривую улыбку, и пару раз качнул бёдрами на лавке. Солнце очага осветило его смеющиеся глаза.

Раздались смешки. Ольгир оскалился.

– Я хотя бы вскакиваю на их принцесс, а не на самих троллей, – ответил он, зная, что весельчак Хьялмар, известный своими похождениями, не обидится.

Тот громко захохотал, довольный шуткой, и пригубил своё пиво.

– Во всех дворовых девках Онаскана я уже побывал, так что приходится пробовать что-то новенькое, – добавил Хьялмар, снова глотнув пива. – Ты бы знал, какие у троллей каменные задницы!

Все смеялись, притомлённые серьёзными думами, и лишь Агни продолжал выжидающе смотреть на Ольгира, совершенно не переменившись в лице. Он ждал ответа.

– Спешу, потому что я так хочу, – медленно ответил Ольгир, плохо скрывая раздражение. – Да и отец сам повелел мне жениться как можно быстрее. Я думаю, что верно было бы сыграть свадьбу через четыре седмицы, а то и раньше.

– Через четыре седмицы ещё не пройдёт сорок дней с его похорон.

– Зато окончится жатва. Это будет большой праздник.

Агни кивнул, будто бы его устроил такой ответ.

– Знаете, я бы вообще не стал ждать. – Хьялмар стукнул по столу кружкой. – Свадьбу и тризну в один день сколько лет всегда справляли! Агни, Рун, разве вы не помните того? Не так давно это было. А теперь чего ждать так долго? Чего мешать молодым?

– Не так давно было, да времена теперь другие, – прошелестел старик Рун. – Арн Креститель всё переиначил. Новые правила велют сорок дней ждать, иначе дух покойного не найдёт себе места.

– Мы проводили его как положено, вложив в руки меч да принеся в жертву девять лошадей и рыжего быка! Чего это ему не найти себе места? – не унимался Хьялмар.

Агни потёр кулаком глаза.

– Ольгир, и всё-таки тебе стоит отправить ещё весть к конунгу Анунду. Его люди не успеют добраться до Онаскана за столь короткий срок, как бы гонцы ни спешили. Из-за этого тебе всё-таки стоит повременить со свадьбой, – сказал ярл.

– Окончание месяца жатвы – лучшая пора для свадеб и праздников, – терпеливо повторил Ольгир. – Моя мать с отцом женились в это время, и я хотел бы почтить её память, сделав так же. А что насчёт Анунда... Я не собирался звать гостей от него, а потому мне незачем ждать. Он всё равно не стал бы присылать людей.

– Он прислал бы. Жена твоего покойного брата – его близкая родственница. Его гостям положено присутствовать на свадьбе хотя бы по этой причине.

– Тогда отправьте ему весть о том, что я незамедлительно женюсь. Мне не нужны ни женщины из его рода, ни его гости сейчас. Мы поговорим с ними позже.

– Ты, верно, думаешь, что Онаскан уже может не оглядываться на конунга Анунда. – Голос ярла Агни стал тише. Его и так все слушали. – Но это не так. Онаскан не столь богат и силён, и пока конунг Анунд наш союзник, мы будем богатеть. Серебро из Сигтуны, что мы используем, украшено его лицом, а не твоим. И даже не лицом твоего отца.

– Мы отправим ему корабли. Пусть примет их взамен своего мёртвого родича. Но не хочу я видеть его людей на свадьбе. Не хочу их ждать, – произнёс Ольгир, с превеликим трудом проглатывая колкость Агни о своём ничтожестве. – Я женюсь в конце месяца жатвы.

Агни хотел было что-то возразить, но Ольгир заметил, как Старый Лис осторожно и почти незаметно одёрнул ярла. Агни смолчал, и молодой конунг облегчённо выдохнул.

– Ольгир прав, – наконец произнёс один из глав. Взгляд его был ясным, несмотря на выпитое пиво. – Анунд не прислал бы гостей после того, что стряслось с поселением свеев. А если бы и прислал, то вряд ли с миром.

– Анунд держит слово, – прогудел Агни. – Если он сказал прислать корабли и серебро, то примет их, а не станет мстить. К тому же он и так обескровлен войной.

– У нас есть новые союзники среди немцев и желтоволосых ублюдков с Нево. В самом деле, лучше зовите их на свадьбу! – произнёс один из стариков херсиров. Ольгир не помнил его имени.

– Просто пошлите конунгу свеев весть и скажите, что Ольгир вовсе не собирал гостей, кроме глав Онаскана. – Голос Хьялмара всё ещё был весел. – Мало ли бывало столь скорых свадеб на нашей памяти?

– Ещё б эта свадьба была со стоящей женщиной, а не с... – Агни, так и не найдя нужных слов, замолк.

– Ольгир говорит, что она сейдкона. Разве того мало? Принцесса троллей, поди, ничем не хуже заморских принцесс. – Хьялмар подмигнул Ольгиру и перевёл взгляд на ярла. – Она принесёт нам удачу, ведь на её стороне боги.

– Боги на её стороне, значит. – Агни чуть отодвинулся от стола и сложил руки на груди. – В том и беда, что старые боги на её стороне. Вряд ли это обернётся для нас удачей. Ну, если она и правда сейдкона, как все о том судачат. Скорее это станет для нас проклятием.

Ольгир вздрогнул от одного этого слова. Неужели Агни что-то знал? Он быстрым взором окинул собравшихся, пытаясь понять, кто мог прознать о колдовстве Ингрид, кроме его верных друзей. Нет, вряд ли кому-то из них ведомо то...

– Кстати, Ольгир, – Старый Лис подал голос, – она верна старым богам? Не крещена?

– Верно, – глухо отозвался молодой конунг.

– Надобно крестить её.

– Да, я уже попросил о том. Всё будет сделано тайно, без лишних глаз.

– Когда же?

– Уж точно до свадьбы, – раздражённо рыкнул Ольгир.

– То-то верно, – гулко согласился Агни, всё ещё держа руки скрещёнными на груди.

Ольгир утёр ладонью вспотевший лоб. Он никак не мог отделаться от ощущения, что рядом с Агни выглядит несмышлёным отроком. Ольгир потянулся за своей непочатой кружкой, хорошенько глотнул пива и тут же закашлялся так, что выплюнул всё на пол. Кружка покатила по столу, забрызгав собравшихся. Ситрик подскочил к Ольгиру, но тот остановил его жестом. Все отпрянули и возмущённо замолкли, наблюдая за тем, как кривится молодой конунг.

– Что это, отравка?! – наконец вскрикнул он, утирая рукавом губы.

Главы переглянулись.

– Да ладно тебе. Вкусное пиво. – Хьялмар отпил из своей кружки. Остальные отставили своё питьё и напряжённо замерли.

– Кто-то пытался тебя отравить? – обеспокоенно спросил Ситрик.

Ольгир обильно сплюнул на пол, всё ещё ощущая странную горечь во рту.

– Тролье дерьмо. Похоже на то! Ну и дрянь. Наверное, подумали, что в пиве я не учую чуждый вкус.

Конунг покосился на Агни, но, увидев вытянувшееся лицо ярла, отмёл дурную догадку. Зато в его голове появилась новая...

– Агни, Рун, думаю, пора расходиться, – бросил Ольгир и выскочил из-за стола, отыскивая глазами воду. – Ежели будет надобно, то завтра утром договорим.

Главы семей и их жёны поспешно встали из-за столов, вытирая руки об одежду. В глазах их читалось беспокойство. Они быстро попрощались и ушли. Агни и Лис вышли следом. В зале остались лишь Ольгир, Ситрик, Хьялмар и Тила да Рыжебородый со своим братом у дверей.

– Дай-ка. – Ольгир протянул руку за кружкой Хьялмара, отпил. Вкус был приятным, и не чувствовалось в нём ни капли мерзкой примеси. – У тебя чисто.

Он принялся обнюхивать другие кружки, поочерёдно поднося каждую к лицу. Ситрик недоумённо следил за ним. С каждой отставленной чашей лицо Ольгира светлело, и на губах задрожала ухмылка, будто он уже догадался, что к чему.

– Ещё б у меня не было чисто! Да кому я нужен? Одно слово, что кровь от Анунда, а на деле не кровь, а только пиво. И пиво это что ни на есть онасканское! – хохотнул Хьялмар и сгрёб в охапку свою тихую сестру. – А вот сестричка моя важная птица. Да, Тила? Чего не сказала всем, что ребёнка от Лейва носишь, а?

Ольгир с грохотом опустил последнюю кружку, расплескав её содержимое, и обратил взгляд на жену покойного брата.

– Ты носишь ребёнка от Лейва? – опешил он.

– Да, – пискнула Тила и спрятала лицо в ладонях. – Я не говорила, потому что в том никакого проку нет.

Ольгир окинул её зорким глазом, но из-за полноты или же небольшого срока ничего в облике Тилы не выдавало беременность.

– А кто-нибудь ещё знает?

– Я сказала только Агни. Ещё на тризне. Он велел молчать. Сам-то он точно никому ничего не скажет.

Ольгир сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев.

– Я не успела рассказать о том самому Лейву. Он погиб почти в тот же день, как я сама поняла всё. – Тила расплакалась. По её красному лицу покатались крупные слёзы.

– А давно ли носишь ребёнка?

– К-крови не было почти пять лун, но я не замечала того...

– Ты такая толстая и глупая, что сама не заметила, как понесла, – прорычал Ольгир, и Тила громко всхлинула.

Хьялмар неумело погладил её по спине. От женских слёз ему, как любому мужу, становилось не по себе, но то была родная сестра, а не какая-то девка.

– Верно, твоя новость и правда ничего не стоит, – наконец произнёс Ольгир. – Пока нет живого младенца... Это ничего не значит и ничего не меняет. Ребёнок будет нескоро.

– Да, – тихо выдохнула Тила. – Если всё будет хорошо, то в начале кровавого месяца.

Молодой конунг уже не слушал её. Хьялмар, залпом допив содержимое своей кружки, покачиваясь, поднялся из-за стола и поспешил вывести Тилу. Придерживая плечом рыдающую сестру, он проводил её в покои.

– Ольгир? – негромко окликнул конунга Ситрик.

– Оставь меня одного, – ответил тот. – Рыжебородый, Вигго! Обождите пока с той стороны двери.

Ситрик вышел, и воя скрылись за дверью следом за ним. Наконец-то Ольгир остался один в долгожданной тишине. Он взял кувшин и пригубил прямо из него. Пиво и правда было отменное. Он отпил ещё и ещё, вымывая из горла неприятную горечь.

Ингрид прильнула ушком к полу. Уже некоторое время внизу было тихо: смолкли голоса, а как хлопнула дверь, не было слышно ни единого звука. Она поднялась, погасила лампу и шагнула к двери. Рука её опустилась на резных дерущихся змеев, провела по ним чуткими пальцами, отмечая каждый изгиб и сплетение тонкотелых существ. Ингрид вздохнула. Она наверняка знала, что у дверей большой залы есть стража, знала, что её увидят, но ей было плевать на то. Так осточертела эта маленькая комнатка... Хотелось воли, воздуха, горизонта. Хотелось размять ноющее тело, опустить ноги в траву и в воду. Хотелось вернуться к реке...

Она жаждала выйти из покоев хоть ненадолго, чтобы увидеть что-то помимо клочка моря в окошке и резных существ на двери. А может, ей повезёт и она вернётся к отцу и своей реке. Заговорит стражу, запугает колдовством. Может, боги и в самом деле дадут ей силу?

Ингрид толкнула дверь, и звери, державшие её взаперти, отпрянули в сторону. Она рискнула взглядом в образовавшуюся щель – снизу за лестницей лился свет очага. Ярко горело домашнее солнце. Ингрид заметила резные колонны, подпиравшие свод, и расписные щиты, висевшие вдоль стен, но никого из людей не увидела. Она тихо выскользнула, всмотрелась в темноту позади и осторожно шагнула к лестнице.

Тут же чьи-то сильные руки схватили её и отшвырнули назад к стене. Ингрид вскрикнула от неожиданности, устояла, но её вновь толкнули, прижав к шершавому дереву. Глаза её встретились с двумя жёлтыми огнями, что горели на горячем лице вместо очей. Ольгир держал её крепко, одной рукой сжимая за запястья, а локтем другой грубо прислонив к стене, метя чуть ниже грудной клетки. Ингрид дернулась, коленом пытаясь ударить Ольгира промеж ног, но тот отскочил играючи, даже не выпустив её из рук.

– Что, тролля принцесса, отравить меня вздумала? – с лёгким смешком произнёс он, надавив локтем сильнее.

Ингрид коротко выдохнула, закашлялась и вновь попыталась вырваться. Она вмиг поняла, о чём спрашивал Ольгир.

– Ты не сдох бы от этих трав. Только обгадил бы штаны у всех на глазах, не успев добежать до кустов, – сквозь зубы зло процедила она.

Ольгир ослабил хватку и неожиданно рассмеялся.

– Эй, сейдкона, я уж думал, ты не умеешь шутить!

– Со мной, клятвопреступник, шутки плохи.

Наконец Ингрид вырвалась. Казалось, Ольгир, узнав правду, больше не держал её, иначе вряд ли бы ей под силу было сломить его хватку. Она резво окинула глазами тело Ольгира – он не выглядел сильным, но внешность была обманчива. Что-то было в его облике не так, но Ингрид не могла понять, что именно. Ей захотелось наброситься на него и выцарапать ему глаза, ударить больно, да так, чтобы из глазниц его градом посыпались слёзы, но она сдерживала себя.

– Выпусти меня, – прошипела она.

– Я ведь уже не держу тебя. – Ольгир приподнял руки и ухмыльнулся.

– Ты знаешь, о чём я.

– Дай догадаюсь...

– Хватит держать меня здесь взаперти, – рывкнула она. – Я задохнусь в этой тесноте раньше, чем ты сделаешь меня своей женой.

Ольгир тряхнул золотыми кудрями. В волосах его играл огненный отсвет. Тот же свет плясал и в его глазах, окрасив их хищной желтизной.

– Ладно, – просто произнёс он, и Ингрид недоверчиво сощурилась, заглядывая ему прямо в лицо. – Ходи по Большому дому, по двору. Давай. Гуляй себе. Захочешь в город – скажи, я найду тебе сопровождение.

– Мне не нужно твое сопровождение, – процедила Ингрид.

– Заблудишься ты здесь, лесная принцесса. – Голос его стал неожиданно мягок, но звучание все равно показалось Ингрид до боли омерзительным. – Я попрошу Хлин больше не запирать тебя. Если что-то ещё будет нужно, ты только скажи.

– Я уже говорила тебе, что ты не купишь меня ни за какое серебро!

На устах Ольгира расцвела ласковая улыбка.

– А за свободу куплю, – он понизил голос до шёпота. – Ты, кажется, сама о том говорила.

Они так и стояли друг напротив друга: нарочито расслабленный и небрежный Ольгир с лёгкой усмешкой на лице и Ингрид, вжавшаяся в стену и готовая ринуться прочь или наброситься в любой момент. Мышцы её подрагивали от напряжения. Ольгир медленно приблизился к ней, как к дикому зверю, и протянул руку. Ингрид проследила за ней недоумевающим взглядом.

– Пойдём, покажу тебе большую залу. Там собираются важные гости, с которыми мне надо вести разговоры. Я думаю, тебе тоже было бы неплохо освоиться.

Ингрид отняла взгляд от протянутой руки и вперила его в Ольгира. Он неохотно опустил руку и отступил к лестнице, теперь уже одним кивком предлагая проследовать за ним. Ольгир спустился, и Ингрид, не зная, как ещё ей поступить, пошла за ним.

Зала и вправду была огромна. Она была столь богато украшена резьбой, что Ингрид на мгновение почудилось, будто она и на самом деле находится среди витых и переплетённых тварей да невысоких человечков. С каждой колонны на неё взирали змеи, многоногие кони и драконы, а со стен скалились волки, гонимые охотниками. Все звери были сделаны искусно, точно мастер воочию видел каждую из тварей. Висели тут и тканые полотна, но узоры на них были грубы, нелепы в сравнении с деревянными существами. Ингрид лишь горько усмехнулась, увидев их.

После она заметила длинные столы, стоявшие в два ряда, да лавки. Меж ними был проход, а неподалёку от столов – очаги, жарко пылавшие. По левую руку она заметила несколько кресел с мехами, стоявших на возвышении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.